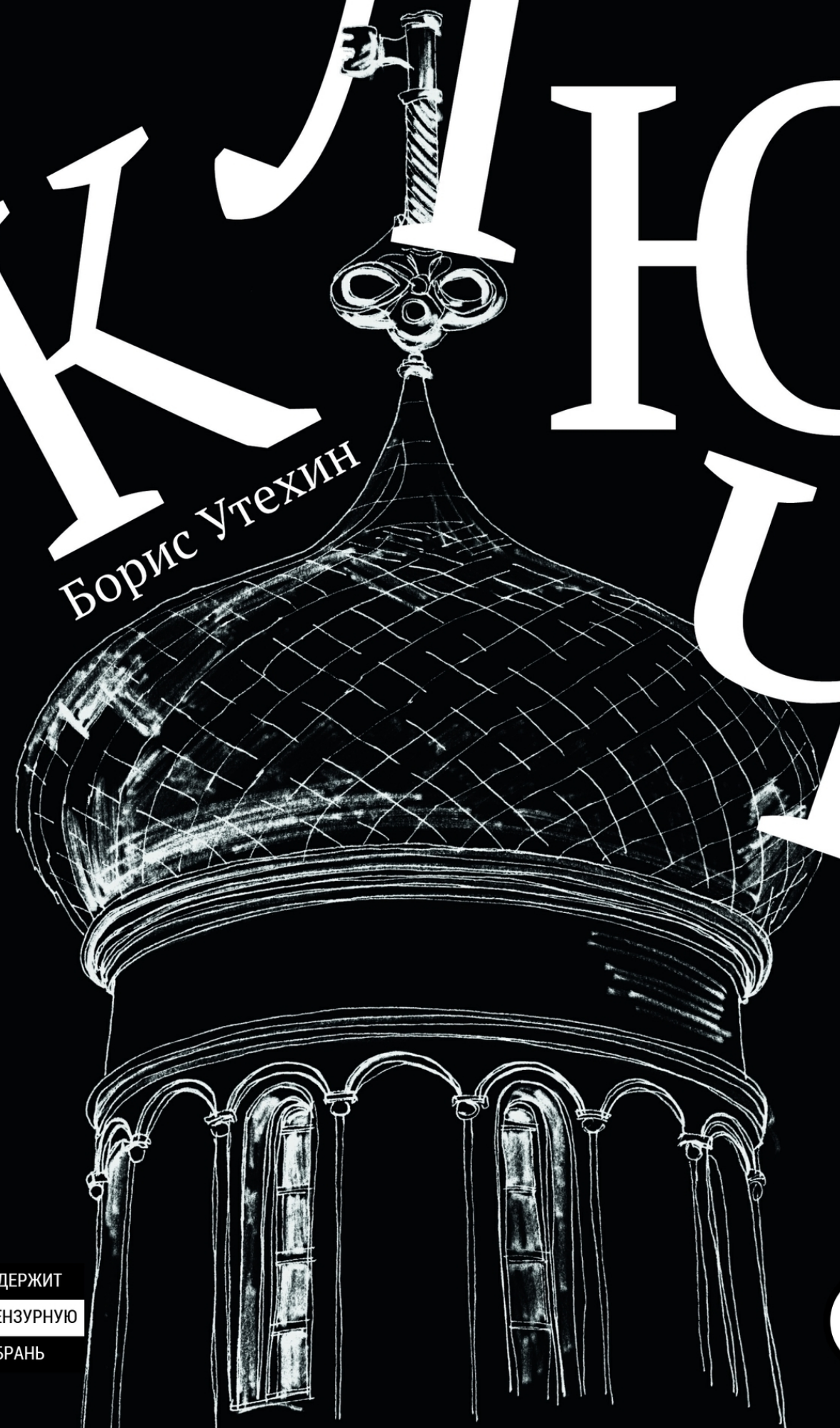

КЛЮЧ

Борис Утехин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Утехин

Ключ

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Утехин Б.

Ключ / Б. Утехин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07652-5

В сложный клубок сплелись нити судьбы Матвея, владельца преуспевающего рекламного агентства, неожиданно получившего очень странный контракт, и судьбы всего человечества... Что важнее: отдельный человек или интересы общества, которые каждый понимает по-своему? ФСБ, Патриархия, исламские фундаменталисты, древняя секта Хранителей – все исполняют свой долг, которому служат и считают священным. Но что считает сам Бог? У Него, похоже, есть собственный план, который всех удивит... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07652-5

© Утехин Б., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	19
Глава четвёртая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	36
Глава седьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

«Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение. Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи»

Евангелие от Матфея. 12:38–40

Часть первая

Глава первая

Большой город медленно и нехотя просыпался после грешной пятничной ночи.

Чуть за полночь на него обрушилась гроза – дорожки в большом парке на окраине были завалены обломанными ветками. Для начала лета было необычно пасмурно, в мутном небе над многоэтажками громко плакали колокола недавно построенной церкви, призывая к утренней молитве и покаянию.

Через парк, объезжая раскиданные ветром ветви, две немолодых женщины катили коляски с младенцами.

– Вот попы раззвонились, словно конец света! Лучше бы парковку нормальную там построили, пройти же с ребенком по двору невозможно! – Голос одной из женщин, прозвучал неожиданно громко в тишине раннего утра.

Вторая, обладавшая голосом менее громким, зато той особой тональности, которую трудно не расслышать, парировала:

– А что, Зоя, ты конца света не боишься? Вот помрёшь, и отправится твоя душа вместо рая – на парковку.

– Пусть боятся те, у кого совесть нечиста. А я всю жизнь честно трудилась, и сколько с мужем-бабником промучилась, и детей подняла. Как дочь говорит, у меня резюме для рая – идеальное. Так что пусть приходит этот твой конец. А пока не пришёл – машины должны на парковке стоять, а не на тротуаре.

– Зоя, стой! – Одна из женщин остановилась перевести дыхание. – Ох, господи, погляди, да что же это такое?

– Что там? – Зоя гордо остановилась.

– Смотри, парень какой-то в кустах лежит.

– Пьяный, наверное. Герда, не связывайся ты с этими бомжами! – Зоя повернулась и покатила коляску дальше. Но Герда, движимая, скорее, любопытством, нежели состраданием к ближнему, подошла к зарослям орешника и наклонилась, заглядывая сквозь густые ветки.

– Нет, не похож на пьяного. Какой-то он белый. Может, умер? – Она вернулась на дорожку и достала телефон. – Алло, полиция? Здесь человек лежит, кажется, мертвый.

Минут через двадцать в парке собралась целая комиссия. Полицейская машина, скорая помощь, санитары грузили носилки с телом в свой автомобиль. Один из полицейских подошел к носилкам и сфотографировал лицо лежащего на них человека на телефон. Лицо было опухшее, в ссадинах и чёрных кровоподтёках, лоб и волосы покрыты запёкшейся кровью.

– Че, в гугле будешь искать по фото? – подошел к нему второй. – Он как раз, перед тем, как сдохнуть, успел селфи сделать и фото профиля обновить. Сразу и опознаем.

– Зря стебёшься. Нереальная аватарка будет. Я её еще обработаю – будет суперзомби. Это тебе не графика говёная из интернета.

Полицейские пошли опрашивать свидетеля – Гертруду Семеновну. Рядом стояла Зоя и кусала губы от обиды, что увлеченная дискуссией, она пробежала мимо трупа и теперь не она, а Герда будет рассказывать всем знакомым об этом выдающемся событии.

«Вот говорила же, – думала она, – от попов одни неприятности».

В ризнице маленькой сельской церкви пахло пылью и мышами. Священник средних лет, с русой, разбавленной сединой, бородой, одетый в желтый свежeweыглаженный стихарь готовился к таинству. Омыл руки, зажег кадило. Громко чихнул, пробормотал: «Прости, Господи»,

и торопливо зашагал к выходу из алтаря. На ходу быстро перекрестился на тёмную икону Богородицы с тревожным ликом.

В тесном помещении церкви собрались всего несколько бедно одетых крестьян. Молодая женщина держала на руках закутанного в толстый платок младенца. Священник вышел в тесный и печальный, как вдовье лицо, молельный зал, встал у большой металлической чаши, наполненной водой, и запел речитативом: «Владыко Господи Вседержителю, исцеляй всякий недуг, и всякую язю, сам и сию днесь родившую рабу твою, Евдокию, исцели, и возстави ю от одра, на немже лежит...».

Собравшиеся в храме крестились, били земные поклоны, и в глазах у них тоже были тревога и печаль.

Вдруг открылась дверь. К ногам священника протянулась полоска яркого света, в котором закружилась поднятая ветром с улицы пыль. В дверь, казалось, кто-то входил, но солнечный свет в этот момент ударил прямо в глаза и...

Матвей проснулся. В маленькой комнате без окон горел яркий свет. Над ним наклонился человек, в спину ему светила мощная лампа и от этого человек казался чёрным.

– Станция «Лубянка». Конечная! – объявил он весёлым голосом и стащил Матвея с узкой металлической кровати.

– Вы кто?

– Федеральная Служба Будильников! С нами вы никогда не проспите! Забыл? У тебя сегодня последний звонок!

– Где я?

Матвея еще не отпустил сон, ему казалось, что он находится в двух реальностях одновременно и еще не решил, какую именно выбрать. Но реальность, в которой были тесная комната и чёрный человек, он выбирать совершенно не хотел. К тому же, в этой реальности у него болело всё тело и почти не двигалась левая рука. Кроме того, что-то неприятно жгло ему затылок и когда он коснулся его рукой, то нашел там глубокую, мокрую от крови ссадину. На табуретке перед кроватью стоял пластиковый поднос с железной миской и черной эмалированной кружкой.

– Можешь пожрать, – человек кивнул в сторону подноса, – а можешь подрочить. У тебя сегодня все радости жизни в последний раз, выбирай сердцем, – он направился к двери. Остановился у выхода и добавил: – Ну что, рекламщик? Как вы там придумали? «Ты живёшь в своем мире, а играешь в нашем»? Нет, у нас тут всё наоборот. Ты в своем мире играешь, а в нашем – живёшь. Если хочешь жить и дальше, вспоминай всё подробно, давай, вспоминай.

Голова раскалывалась. Матвей попытался сосредоточиться и вспомнить, сколько он уже здесь: день, два, неделю? Как произошло, что его замечательная жизнь вдруг дала какой-то совершенно непостижимый сбой? Он взял кружку, в ней был остывающий, едва заваренный чай. Но пить хотелось, и он начал отхлёбывать отвратительную жидкость и пытаться вспомнить.

Что он должен был вспомнить? Жизнь шла как обычно...

«Все-таки джин с тоником – не мой напиток», – мысль задержалась с прибытием часов на пять. Голова болела, во рту застрял неприятный привкус железа. Матвей повернулся на бок и посмотрел на лохматую голову девушки на соседней подушке. Быстрее, чем это могло бы случиться, учитывая обстоятельства, голова оказалась в фокусе, и он с удовольствием обнаружил, что она принадлежит довольно привлекательному телу, наполовину закутанному в простыню. Голова эта мирно сопела, отказываясь встречать позднее утро.

Хозяюку головы можно было понять. Яркий свет запутался в плотных шторах и попадал в комнату только одним-двумя лучами, оставлявшими на серых, «под бетон», стенах игривые желтые полосы.

Матвей проснулся раньше. Он никогда не мог долго спать, если в доме кто-то посторонний. Всегда завидовал ночным тусовщицам, которые могут заночевать в одной постели с мало знакомым гражданином и мирно дрыхнуть до привычных пяти-шести вечера, когда отдохнувший девичий организм очнется и снова потребует веселья.

Вставать ему не хотелось. Наоборот, хотелось прижаться к загорелой гладкой спине, положить руку на плоский живот, придвинуться плотнее, повторяя изгиб сонного тела и... нет, так не пойдёт. Он упрямо считал, что на утренний секс девушки соглашаются только из готовности ненадолго одолжить сонное тело партнеру, а он не любил одолжений. Да и ни к чему утром лишние нежности. Зачем давать повод задержаться здесь дольше, чем на одну ночь? У него был хороший принцип, такой же важный, как защищённый секс: со мной пришла, со мной и ушла. И никаких там «возвращайся скорее, буду ждать». «Буду ждать» – это первый камень, который потом превратится в стену, закрывающую для мужчины дорогу к большому, полному искушений миру женщин. А он за свою свободу собирался держаться. До последнего.

– Ты что, уже встаешь? – голова повернулась в его сторону, хотя глаза открывать явно не собиралась. – Матвей, я хочу спать... А что, уже утро?

– Надо же, запомнила, как меня зовут. – Он благоразумно не стал озвучивать эту мысль. – Солнце мое, утро было, когда мы приехали. А сейчас уже день, дела, нужно трудиться. Вставай завтракать. Я тебе вызову такси, а то совсем опаздываю.

Он, конечно, никуда не опаздывал. Просто хотелось поскорее остаться одному и снова вернуть квартире образ, созданный исключительно для одинокого привлекательного мужчины в полном расцвете сил.

Минут через пятнадцать в ванной зашумел душ и вскоре на кухне, обёрнутая полотенцем, появилась гостя.

– Привет. – Матвея наградили поцелуем с мятным запахом зубной пасты и взглядом, полным ожидания завтрака.

Надежды девушек, касавшиеся завтрака, обеда или ужина, он никогда не обманывал. Это было бы совсем бесчестно. Поэтому Матвей с готовностью накрывал на стол и заодно сравнивал ночной образ с тем, который проявился при дневном свете. Может быть, то, что ему ни разу в жизни не удалось напиться до беспамятства, оберегало его от утренних кошмаров, когда хочется закрыться, как в детстве, одеялом с головой, чтобы спрятаться и никогда больше не видеть то, что лежит рядом.

Этим утром он ещё раз похвалил себя за хороший выбор. В клубе, где сумрак и алкоголь познакомят кого угодно с кем угодно, сложно принять ответственное и безошибочное решение. У Матвея этот талант, видимо, был. Несмотря на смытую косметику и сероватый оттенок кожи – признак почти бессонной ночи, девушка была хороша. Прямой тонкий нос, большие миндалевидные глаза. Сейчас при дневном свете они были тёмно-зеленого болотного цвета, а ночью показались карими. Эти глаза и смуглая кожа выдавали в ней очевидное и удачное смешение восточной и европейской рас. Насколько Матвей выяснил из ночного разговора, какой-то её предок был то ли индус, то ли иранец.

Девушку звали Ясна. Простое имя и, в то же время ни разу не встречавшееся ему прежде. Матвей вспомнил, что услышав странное имя, он удивился и спросил: «Ясна – в смысле, ясно, солнечно?» Ясна рассмеялась и сказала, что ее имя на самом деле очень древнее и у него много смыслов.

– Хотя, – добавила она, – можно понять и так. Солнечно. Наверное.

Матвей не понял, поэтому промолчал и загадочно улыбнулся. Ясна улыбнулась в ответ и, словно чувствуя его неловкость, стала рассказывать о своем восточном предке, который ещё до революции по стечению обстоятельств оказался в снежной России. Собственно, с этого и началось их знакомство.

Матвей купил себе очередной джин-тоник и мохито для Ясны, они сели на диван и он положил руку на плюшевую ядовито-фиолетовую спинку, выполняя нехитрый план, когда через несколько минут он как бы случайно начнёт гладить густые каштановые волосы, пахнущие влажным травяным запахом ночного летнего леса. Ясна словно торопила события. Не дожидаясь, когда Матвей завершит начатый манёвр, сказала что-то банальное вроде: «Я мёрзну» и положила его руку себе на плечо. Матвей придвинулся ближе и почувствовал, как пальцы коснулись упругой и многообещающей груди, чья самая волнующая маленькая часть была спрятана под белой майкой с глубоким вырезом. Сквозь тонкую ткань пытались пробиться два твердых соска, и ему хотелось помочь им вырваться наружу, сорвать, поднять, разрезать, пробить материю, в общем, освободить скопившуюся внутри него и, как ему хотелось верить, Ясны, сексуальную энергию, требующую немедленной разрядки.

– А как твоего предка занесло в пермский край? – спросил он, чтобы подольше подержать руку на её груди.

– Он был парс. Парсы – зороастрийцы. Есть теория, что эта вера родилась в тех местах на Урале. Он поехал, потому, что хотел увидеть сам, понять... – Ясна остановилась, как будто пытаясь найти правильное слово, но Матвей уже не слушал.

Он глубокомысленно протянул «дааа», задумавшись о том, стоит ли продолжать движение, начатое пальцами за границей выреза. Ясна ещё раз улыбнулась, словно читая его мысли. Матвей только сейчас вспомнил, что именно заставило хотеть её так сильно. Улыбка. В неоновом свете клуба, где всё тёмное тонуло в сумерках, а белое – отражало казавшийся неестественно ярким искусственный свет, эта ослепительная улыбка, зависавшая в воздухе, подобно улыбке чеширского кота, казалась совершенной и не требующий никаких дополнений в виде остальных частей тела. Он ощущал запах её кожи и представлял себе, что скорее всего этой ночью будет полноправным хозяином этой улыбки, ощутит её вкус, станет скользить языком по гладкой белой эмали зубов, пытаясь пройти ещё глубже, захочет выпить одним большим глотком всё, что хранилось в этом драгоценном сосуде два десятка лет, впитывало ужас, радость и удивление своего появления на свет, летнее солнце, зимний холод, праздники Нового года и дни рождения, сказки, прочитанные на ночь, любимые книги, фильмы, первый поцелуй с мальчиком, первую ночь с женщиной, – всю бережно накопленную жизнь, которая вольётся в его кровь, когда они станут одним целым.

Когда Матвей смотрел фильмы о вампирах, он понимал, в чем сладость и глубокий смысл укуса. Настоящий секс – это не использование чужого тела для того, чтобы почувствовать себя полноценным мужиком и заодно сбросить напряжение. Для него секс всегда был открытием и прикосновением к тайне чужой жизни. Именно поэтому он не мог останавливаться. Выпитая однажды жизнь вскоре обретала привычный вкус, потерявший остроту ощущений. Матвей и чувствовал себя вампиром, крадущим чужую жизнь. Он считал, что для большинства женщин секс – это прежде всего отношения, защита, стабильность и лишь потом – удовольствие. Но для того, чтобы найти это, им приходится искать. И Матвей с готовностью предоставлял им своё тело в качестве объекта для поиска, убеждая себя в том, что это не обман, что вдруг получится, сойдётся, но в глубине души зная, что это ложь, и он просто глубоко входит в роль, чтобы не чувствовалось фальши.

– Не хочу кофе. – Ясна отодвинула чашку. – Спасибо за завтрак. Такси вызвал?

Почему-то ему стало обидно, что она вот так запросто, без вопросов и попыток как-то закрепиться на его территории, уедет и заберёт с собой этот странный, волнующий и так захвативший его ночью вкус чужой жизни. Но он знал, что это минутная слабость. Что наступивший день закрутит, увлечёт в поток дел, встреч, новых желаний, и такие яркие сейчас вкус и запах Ясны некоторое время продержатся в этом потоке, а потом перемешаются с другими и вольются в море памяти, в глубины которого он начнёт заглядывать очень нескоро. «Только тогда, – внезапно пришла ему в голову фраза, – когда сам поток иссякнет, мы начнём погру-

жаться в море прошедшего времени и ловить там тени, пытаясь наполнить ими опустевшее настоящее. Надо записать» – подумал он.

– Такси будет через пять минут. Пойдём, я тебя провожу.

– Боишься, что не дойду, спрячусь в подъезде? – Ясна поцеловала его небритую щеку, и Матвей ещё раз почувствовал, словно по солнечному небу вдруг прошла внезапная тень, нарушившая светлую безмятежность.

Они остановились в тёмном коридоре, освещённом только неяркой подсветкой над тремя старинными гравюрами, украшавшими стену. Надевая легкий плащ, Ясна остановилась перед одной из них. На жёлтом листе, вставленном в незамысловатую, похоже, самодельную, рамку, еле читались какие-то мелкие рисунки.

– Хм... – Ясна иронически взглянула на гравюры, потом на Матвея. – Любишь антиквариат?

– Эта, – Матвей кивнул на лист с непонятными рисунками, – всегда висела у отца в кабинете. Он говорил, про какой-то документ, оставшийся от наших предков, или что-то в этом роде. Хотелось добавить что-то в общую композицию, купил еще две.

– Ага – Ясна кивнула. Было очевидно, что она спросила только, чтобы заполнить неловкую паузу перед уходом. – Зачем тебе все эти древности?

– Ну, во-первых, это красиво, – улыбнулся Матвей. – А во-вторых, рядом с антиквариатом чувствуешь себя не таким... – он запнулся, подбирая слово, – кратковременным, что ли.

– Классно. – Ясна застегнула последнюю пуговицу тренча и открыла дверь. – Ну, пока.

Она выпорхнула на лестницу, зашумел лифт, звук медленно опустился на нижний этаж и стало тихо.

Матвей пил мелкими глотками кофе. Было приятно ни о чём не думать. Он наблюдал, как все ощущения занимают отведённые для них места, не толкаясь, не споря друг с другом, не вызывая его в темноту сознания, как зовут менеджера опоздавшие зрители, чтобы разобраться с гражданами, занявшими их кресла. Все же какой-то непристроенный одинокий субъект, судя по всему, незначительный и не скандальный, ещё бродил по тёмному залу. Но так как вёл он себя интеллигентно, Матвей не обратил на него внимания, подумав, что, рано или поздно, тот найдёт свободное место.

Глава вторая

Стеклянные стены небоскрёба на набережной казались большими зеркалами, которые поставили у дороги, чтобы водители могли оценить красоту своего автомобиля в движении.

Большая парковка у офисного центра была занята почти полностью, и Матвей медленно, разглядывая себя в высоких окнах первого этажа, продвигался через ряды железных коней офисного пролетариата. С трудом поместив машину в узкий коридорчик, оставшийся между крупным «ленд-ровером» и мелкой, но стоявшей почти боком красной девичьей «маздой», он вдруг вспомнил, что имя бога зороастрийцев тоже, кажется, Мазда. «Интересно, – Матвей посмотрел еще раз на машину, – не в его ли честь японцы назвали свой автомобильный концерн?»

– Яасна... – Матвей проговорил странное имя вслух и словно лёгкий ветерок коснулся его щеки. Он встряхнул головой, уклоняясь от нежных воздушных пальцев. – Что такое? Я по ней скучаю?

Нет, это сейчас совершенно лишнее».

Он решительно повернул стеклянную входную дверь и все краски, запахи и ощущения, которые связанные с прошедшей ночью, были подхвачены потоком офисной жизни, сметены и вынесены за пределы того мира, где им не было места.

В кафе на первом этаже у него предполагалась встреча с давним знакомым. За последние несколько лет тот разбогател, был загружен 24/7 работой, семьёй и статусной любовницей, поэтому встречались они последнее время крайне редко. И Матвей искренне удивился, когда тот позвонил и предложил пересечься. «Есть интересная тема», – сказал он.

До встречи оставалось ещё около часа, и Матвей решил подняться в офис. See go management, как говорят англичане, которые любят все классифицировать. Прийти на работу, чтобы изобразить на полчаса мудрого руководителя.

Лифт поднялся на 22-й этаж, где трудовой день начался для него с выяснения отношений между бухгалтером Наташей и сисадмином, который в очередной раз бился над сериалом под названием «Ликвидация сбоя в сети». Серия была не меньше, чем 140-я, но сценарист придумывал все новые и новые остросюжетные повороты.

– Андрей, я вас не понимаю! Сделайте всё ночью, ведь это ваша работа! – Наташа явно вещала на публику.

Андрея он хорошо понимал. В том состоянии, в котором находилась сеть, его роль в работе конторы возматала до гигантской величины. И расставаться со столь значительным статусом системный администратор явно не собирался.

– Андрей, на этой неделе смени провайдера. Если я еще раз услышу жалобы на работу сети, буду вычитать из твоей зарплаты по двадцать пять процентов в качестве компенсации моего морального ущерба. – Матвей как соучредитель конторы мог позволить себе некоторую строгость.

По дороге в кабинет он снова проговорил в уме фразу и подумал, что получилось достойно и авторитетно. «С точки зрения психолога, то, что руководитель после разговора с подчинённым прокручивает сказанное в уме и представляет, как это выглядело со стороны, говорит о его неуверенности в себе? – Матвей как раз проходил мимо зеркала и взглянул на себя с удовлетворением. – Хотя, по большому счету, я – не руководитель в полном смысле этого слова, а креативный директор. То есть имею право на рефлекссию, как все творческие люди».

Еще он подумал, что важное качество творческого человека – уметь всему найти объяснение и не конфликтовать с собой по поводу своего несовершенства.

С этой мыслью Матвей вошел в приемную, которая была по совместительству и бухгалтерией, что позволяло значительно экономить на аренде. За столом около входа в его кабинет

шелестела бумагой Маленькая Вера, как в агентстве окрестили его секретаря, курьера и копирайтера в одном лице. Вера была действительно маленькой и по росту, и по возрасту, то есть, метр шестьдесят на восемнадцать. Её нельзя было назвать красивой, но в ней угадывалась та очаровательная, вызывающая и в то же время не выставленная напоказ сексуальность, которая встречается у такого типа девушек – миниатюрных, с пухлыми губами, вздернутым носиком и большими кукольными глазами и длинными, загнутыми вверх, ресницами. Матвею нравилось встречаться с ней взглядом, когда он входил в приёмную и задерживать визуальный контакт немного дольше, чем требовали отношения руководителя и секретаря. Будь она постарше, его взгляд был бы несомненно истолкован как намёк на возможные отношения и секретарь начала бы или кокетничать, или смущаться и чувствовать себя неловко. Но в 18 лет Вера воспринимала этот обмен взглядами как забавную игру, в которой она чувствовала себя, наверное, героиней какого-нибудь офисного сериала. Матвей всегда был против романов на работе, поэтому просто получал удовольствие от заряда позитивной энергии, исходившего от девушки.

– Вера, сделай мне зелёный чай. – Матвей поймал себя на мысли, что в очередной раз чувствует какую-то неловкость, отдавая распоряжения девушке, с которой только что почти заигрывал. – «Нет, всё-таки я неправильный начальник. Да и чёрт с ним», – решительно сказал он себе и закрыл за собой дверь в кабинет.

Первое, что он делал, начиная рабочий день – читал новости.

Вообще читать новости, если ты не брокер или чиновник, – дело совершенно бессмысленное. Но для Матвея новости были чем-то вроде кофе. Ощущение, что где-то что-то происходит бодрило его и помогало прийти в рабочее состояние, особенно после беспокойной ночи. На мониторе он успел прочитать заголовок *«Пьяный отец бросил в печь пятилетнего сына»*, как дверь распахнулась и вошел, а, точнее, ворвался его партнер Влад. В отличие от Матвея, Влад одевался на работе нарочито небрежно, в мятые джинсы и рубашки навыпуск. Когда приезжали серьезные люди на переговоры, Максим пытался заставить Влада переодеться, но тот всегда отмахивался: я же рекламщик, мне можно! К счастью, высокий рост и твердый римский профиль партнера частично искупали небрежность в одежде.

Влад наклонился над столом и развернул монитор в сторону от Матвея.

– Слушай, кажется, мы в шоколаде. Намечается крутой, ну ооочень крутой контракт. Правда, есть затыка. Но мы с тобой, как обычно, справимся. Главное – не бздеть. Как говорил один гений пиара, раскрутивший революцию: «надо ввязаться в драку, а там посмотрим.

– Так что за контракт? – Матвей снова повернул к себе монитор с новостями. *«Сын депутата заксобрания Нижегородской области совершил наезд на женщину с ребенком на пешеходном переходе. Ребенок погиб, женщина доставлена в больницу в критическом состоянии...»*

– Сосредоточься. – Влад всегда любил таинственность в любом, даже самом простом деле. Она, казалось ему, придавала его действиям особую значимость. – Завтра встреча в 10. Соберись. Приходи со свежей головой. Нам нужно будет убедить заказчика, что только мы лучше всех справимся с задачей.

Матвей достал телефон и записал в календарь: «10 утра, встреча с заказчиком, напомнить за два часа». Потом посмотрел на Влада:

– Ты меня хотя бы в общих чертах введи в курс дела. О чем речь?

Влад пожал плечами.

– Да я и сам толком не понял. Позвонила моя подруга оттуда – он поднял глаза к потолку, – ну ты знаешь, она курирует попов. Сказала, есть заказ от патриархии, крупный. Что она нас рекомендовала и если договоримся, то будем ей обязаны. Ну это само собой разумеется. В детали не вдавалась. Заказчик со мной связался, завтра утром у нас встреча.

– Что мы можем сделать для попов? – Максим отодвинул кресло и откинулся назад. – Мы же рекламу и пиар продаём. А что у них пиарить? Новый храм? Программы паломничества?

– Хз. Завтра и выясним. – Влад выпрямился и многозначительно добавил, – Патриархия, брат. Главное, бабла у них – не меряно.

Матвей последний раз прокрутил новостную ленту. *«В Башкортостане, в районе города Аркаим археологи обнаружили подземный объект неизвестного назначения. По предварительным версиям, это может быть древнее святилище ариев, живших в этих местах около 5 тысяч лет назад...».* *«В Ярославской области трех эженицин осудили за убийство 13-летней воспитанницы приюта»...*

«Тьфу ты! Скукота и безысходность!» – он выключил компьютер и вышел из кабинета.

В кофейне на первом этаже офисного здания было тесно и шумно. Матвей занял единственный свободный столик у окна и, пока не приняли его заказ, стал разглядывать посетителей. В зале работала мощная вентиляция и сидевшая через пару столиков от него симпатичная девушка сняла со спинки стула короткую куртку и набросила на плечи. Длинные темные волосы наполовину скрыли склонившееся над планшетом лицо. Девушка откинула мешавшую ей прядь, и в ухе блеснул золотом наушник плеера. Положив ногу на ногу, она покачивала носком сапога в такт музыке и что-то внимательно читала.

– Ваш капучино. – Худой парень-официант поставил перед ней чашку с ароматным напитком. – Как вай-фай, нормально работает?

– Спасибо. – Девушка разорвала бумажную трубочку с сахаром и высыпала в чашку, задумчиво наблюдая, как белый песок погружается в водоворот густой пены. Она снова погрузилась в недра компьютера, и официант, который, кажется, был не прочь поболтать, разочарованно отошел.

Судя по всему, одна из страниц особенно привлекла внимание девушки. Она отодвинула чашку, откинулась на спинку стула и застыла, не отрывая глаз от открывшегося на экране файла.

– Я ему уже завидую, – сидевший за соседним столиком мужчина занял свободный стул рядом с ней так неожиданно, что девушка вздрогнула. – Ваш парень, да? А я так хотел с вами познакомиться! Может, хотя бы съедите со мной пирожное?

– Нет. – Девушка быстро закрыла планшет.

– Что «нет»? – продолжал улыбаться мужчина.

– «Нет» познакомиться. «Нет» пирожное. «Нет» мой парень. – Она посмотрела в окно, за которым увлечённо целовалась спрятавшаяся под козырек кафе от моросящего дождика, пара студентов, и улыбнулась: – Пока не мой.

С полотняного тента над входом стекали потоки воды. Девушка аккуратно разместила планшет в сумке, достала круглую бронзовую пудреницу и посмотрела на себя в маленькое зеркало. Достала помаду, провела по губам, плотно сжала их, выравнявая цвет, встала и пошла к выходу. Короткая серая юбка обтягивала стройные бедра, которые так соблазнительно покачивались в такт ходьбе, что Матвей зажмурился и помотал головой, чтобы заставить себя оторвать от них взгляд. Мелькнула мысль: может, догнать, познакомиться? Но на улице у самых дверей девушку встретил человек в костюме с раскрытым зонтиком. Она нырнула под зонт, заботливо прижимая сумочку к груди, прошла несколько шагов и села в чёрный седан «мерседес», дверцу которого услужливо открыл человек с зонтом. Автомобиль медленно отполз от тротуара и, неожиданно быстро набрав скорость, ушёл в поток машин, мчавшихся по широкому проспекту.

Мужчина, так неудачно пытавшийся завязать знакомство, некоторое время провожал взглядом «мерседес», потом отвернулся от окна, достал телефон и набрал номер.

– Объект проявляет интерес к какому-то парню славянской внешности. Разглядеть не успел. Возможно, это будущий исполнитель. Точнее пока ничего не смог выяснить. Ты пробей там по базе машинку. – Он продиктовал в трубку номер, расплатился, аккуратно свернул и положил в бумажник счет и вышел на улицу.

Матвей сидел уже почти полчаса в кафе за компьютером. Товарищ опаздывал. Чтобы убить время он просматривал накопившуюся за выходные почту. Впрочем, это ему быстро надоело и он снова открыл новости.

Дорожала нефть, биржевые индексы открылись разнонаправленно (вот, подумал он, неисчерпаемый источник обогащения русского языка), на севере столицы новый префект открыл музей коррупции (интересно, как это выглядит?), в сводках происшествий была информация о задержании банды угонщиков, «выходцев с Кавказа». На нескольких снимках были закрывающийся от камеры рукой угонщик в кепке от Гуччи, отобранный у последней жертвы белый «порше-кайенн» и сама жертва – высокая блондинка с несколько растерянным выражением лица.

«Боже мой, да ведь это Лера!» – Матвей узнал в жертве похищения свою студенческую любовь, с которой последний раз виделся на встрече выпускников лет пять назад. Он достал телефон и набрал её номер. Какое-то время никто не отвечал, и Матвей уже собирался отключиться, но в этот момент слабый голос Лерки ответил: «Да, слушаю».

– Лер, это я, Матвей, привет. Видел тебя в новостях, ужас! У тебя все в порядке?

– Матвей, господи, привет! Как я рада тебя слышать! А я не хотела подходить, думала, следователь звонит. Достали уже! – Голос у Лерки был какой-то погасший. – Да, всё нормально, жива. Синяк под глазом, ребро, похоже, сломано, но ведь это не главное?

Раз шутит, – решил Матвей, – значит всё не так плохо.

– Ты одна? Давай, я приеду?

Он знал, что пару лет назад Лера рассталась с мужем и жила одна. Они как-то встретились за кофе и показалось, что вдруг вспыхнула какая-то живая искра и может продолжиться бурная студенческая любовь. Но Матвей проводил девушку до подъезда, поцеловал в щеку и сказал: «Пока, увидимся». Прошёл год, иногда по вечерам случалась какая-то эротическая переписка, но они так и не увиделись, хотя постоянно комментировали друг друга в сети и ставили лайки. Странное всё же время. Кто бы мог подумать лет десять назад, что их дружба будет измеряться какими-то лайками?

– Нет, не одна. – Она сделала паузу. – Подруга у меня сидит.

Матвею показалось, что на том конце линии Лера улыбнулась. Он и вправду почувствовал какую-то странную ревность, когда услышал это «не одна».

– Если хочешь, приезжай. – сказала Лера и Матвей понял, что сейчас отложит все дела и помчится к ней.

Он положил в сумку ноутбук, надел куртку, позвонил Вере и попросил все встречи перенести на завтра. Потом написал товарищу: «извини, не дождался, форс-мажор, давай перенесём на завтра плз» и сел в машину.

Проспект стоял. Точнее, ехал, но это было похоже на тяжелый сон, когда ты пытаешься бежать, но все движения у тебя получаются чудовищно медленно. Наконец он свернул с проспекта и быстро поехал по узкой улице, оказавшейся на удивление свободной.

Лера жила в высокой башне, поднимающей свою плоскую крышу над большим старым лесопарком, скрывающим за кронами высоких сосен бывшую дачу Сталина. Матвею эта башня казалась пограничным столбом, если представить, что у исторических эпох есть границы. Однажды он попал на эту сталинскую дачу. Партнёры, крупная компания, отмечали здесь корпоративный праздник. На поляне около особняка жарили рыбу и мясо, произносили приветственные речи, много смеялись. Официанты выносили из распахнутых дверей подносы с бокалами, гости бродили по территории дома приемов, рассматривая строгую, даже скромную, архитектуру.

– Удивительная всё же штука – человек. – Матвей вспомнил, как к нему подошёл один из вице-президентов, с которым он несколько раз разговаривал в общей компании на таких встречах. – Вот здесь умер один из самых кровавых правителей в истории. И что? Это место

стало музеем, напоминанием о том, к чему обществу нельзя возвращаться? Ничего подобного! Мы тут весело бухаем и насрать нам на тирана, который отправил миллионы на смерть!

– Так может в этом и есть главный смысл? Жизнь вырастает из смерти. Точнее, из употреблённой жизни. Мы – это навоз для будущего. Больше смертей – больше навоза, будущее расцветает и колосится.

– Вы Матвей, иронизируете, а ведь я серьёзно. Почему люди уверены, что добро побеждает зло? Только потому, что они не помнят о зле? Может, мы и живем относительно недолго, чтобы быстрее забывать? А так – одно поколение пережило свой ужас, родились дети, потом внуки, – и все, забыто, стало историей, пылью веков.

– В этом и есть суть добра, я думаю – Матвей поглядел на солнце сквозь бокал с шампанским, наблюдая как пузырьки поднимаются вверх, к свету и лопаются, растворяясь в нем. – Выжить. Любой ценой. Всё, что позволяет выжить, – не человеку, а человечеству – и есть добро. И пока мы ещё существуем оно, типа, побеждает.

С Валерией он познакомился еще студентом на модной рок-тусовке.

Народа собралась тьма, мест не было, но опытный глаз Матвея нашел в зале свободные места для випов, а випы могли и не прийти. И нагло занял удобное место. Кто-то из випов правда не пришел, так что фильм он смотрел как белый человек. После показа был концерт, а в перерыве он увидел знакомого, стоявшего рядом с симпатичной девушкой. Он подошел, поздоровался. Девушка протянула ему ладошку: «Валерия».

И приятель, и девушка сидели на балконе зала, высоком и неудобном.

– А ты где сидишь? – спросила Валерия.

– Рядом с випами. – гордо объявил Матвей.

– Ух ты, здорово. А там ещё места есть?

– Нет, к сожалению. Только у меня на коленях. – пошутил Матвей.

– Отличное место, – сказала Валерия совершенно серьезно.

Кажется, они даже не дождались, когда кончится концерт. В квартире, где он жил, обстановка была самая что ни на есть спартанская. На полу лежал застеленный матрас, еще не успевший, за отсутствием средств, превратиться в полноценную кровать.

Прошло часов пять, когда они, наконец, остановились. В какой-то момент это перестало приносить ему удовольствие, но остался задорный спортивный интерес – сколько же она может так продержаться? Ему казалось, что для неё это тоже игра, что она кричит не столько от удовольствия, сколько подогревая себя.

Они взмокли от пота, как после тяжёлой тренировки, но запах его почти не чувствовался, так бывает, пока тела молоды и не загрязнены шлаками жизни.

В какой-то момент они устали и ненадолго заснули, накрывшись намокшей простыней.

Это был их первый секс, и он был просто отличным. Но Лерка, которую он считал, в общем-то, опытной девушкой, как-то в разговоре несколько лет спустя обмолвилась, что именно он тогда открыл ей, как она выразилась, «двери в Большой секс». Что именно она имела в виду, он не стал уточнять, но было приятно. Есть всё же какой-то рудимент в голове у мужика – быть у женщины первым. Хотя бы по части оргазма.

Однажды в бане, где даже интеллектуалы разговаривают о бабах, один профессор объяснял, что потребность быть у женщины первым появилась у человечества одновременно с понятием собственности. Пока всё имущество принадлежало племени и никак не делилось, было совершенно не важно, девственница твоя избранница или нет. От кого бы ни родились дети, они оставались в племени женщины. А мужик сделал своё дело и пошел гулять смело дальше. Когда же у людей появилось что-то, чем они владели единолично и что передавалось по наследству, тут вопрос девственности и оказался принципиальным. Мужик должен быть

уверен, что оставляет нажитое своей кровинушке. За тысячи лет это уже закрепились в подсознании.

Потом банный народ выпил и пришёл к выводу, что в эпоху контрацепции и генетической экспертизы девственность и вовсе находится глубоко в зоне инфляции. Но века привычки из головы так сразу не выкинешь.

У Матвея на тему девственности была своя версия. Он считал, что мужики просто боялись конкуренции. Может у него в постели никак, так пусть она и не знает ничего лучше! Пусть думает, что только так и можно. Но в присутствии пузатого лысеющего профессора он благо-разумно промолчал.

Даже учитывая свой богатый опыт, Матвей считал секс с Леркой одним из лучших в жизни. Лерка была звездой: ее темперамента и любви к процессу хватило бы на нескольких дам. А как она делала...

Стоя перед дверью Леркиной квартиры он подумал: человек сидит там еле живой со сломанными рёбрами, а я вспоминаю, как мы здорово трахались. Ужас. Как это по-мужски, всё-таки. Хорошо, что люди не умеют читать мысли.

Дверь открыла подруга.

– А, привет, – хмуро поздоровалась она с Матвеем и ушла на кухню.

Подруга его не любила ещё с тех пор, когда роман с Валерией только начал плавно перетекать в сомнительного характера дружбу. «Брось ты его уже, – убеждала она Лерку. – Это же не мужик, а каждой пи@де затычка». Лерка пересказывала ему это, смеялась, обнимала и говорила, что его затычка всегда ей нравилась.

Квартира была небольшой, но хозяйка подошла к обстановке творчески и не экономила на поэзии мебели и декора. На консоли у входа стоял большой снимок в рамке – белая яхта, ярко-синее море и загорелая Лерка в красном с белыми полосками купальнике. На стене около окна с десятков небольших фотографий продолжали презентацию у Великой китайской стены, у фаллических башен Куала-Лумпура, схватившей за рог быка у Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке, обнявшуюся с пальмой на тропическом пляже... «Классическое женское портфолио. – подумал он. – Еще только добавить рост, вес, «в поиске» и «дорого».

Валерия сидела в гостиной на большом диване песочного цвета. Она была без косметики, в дырявых джинсах и простой белой майке. Кисть одной руки была перебинтована.

– Ну как ты? – он сел на диван и обнял её за плечи. – Как это тебя угораздило?

– Как, как... – Валерия шмыгнула носом. – Следили, думаю, за машиной. – Привет! – она чмокнула его в щёку. – Спасибо, что приехал.

– Водку будешь? – из кухни вышла подруга с подносом, на котором стояли три запотевшие от холода рюмки. – Присоединяйся, мы тут уже давно стресс снимаем.

– Спасибо, – Матвей покрутил двумя руками в воздухе воображаемый руль. – Не могу употреблять. Хочу, но не могу.

– Нам больше достанется. – Подруга залпом опрокинула в себя рюмку. – Хороша! – Потом посмотрела на Лерку. – слушай, я пойду пока, дел вагон, а вы поболтайте. Вечером наберу.

– Ага. – Безучастно откликнулась Валерия. – Давай, на связи.

Она села рядом с Матвеем.

– Извини. До сих пор не могу в себя прийти. Все, сука, болит. – Она взяла водку, тоже залпом выпила и откинулась на спинку дивана. – Педики, подонки, чтоб вы перестреляли друг друга!

– Ты как от них убежала-то?

– Выскочила на светофоре. Лодочки в машине остались, а я – босиком по дороге, бегу, руками машу, кричу, как сумасшедшая. Они за мной и не гнались, рванули сразу от светофора. Там за нами мент какой-то ехал, остановился, вызвал мне «скорую» и сообщил операм.

– Так нашли их?

– Через час. Я в новости попала, и какой-то сознательный гражданин мою машину во дворе увидел. Позвонил в милицию, сказал, что подозрительные люди рядом с «кайеном», похожим на тот, что угнали. Чеченцев там и взяли. Или не чеченцев, чёрт их разберет. Какие-то бородатые, в общем. Меня из больницы домой отвезли, машину обещают вернуть, как разберутся. Так что в целом всё ок. – Она как-то странно взглянула на Матвея. – Хорошо, что ты приехал. Я все равно собиралась тебе звонить.

– До сломанного ребра или после? – Матвей попытался пошутить.

– После. – Валерия даже не улыбнулась. – Дело в том... она помолчала... я даже ментам об этом не говорила... понимаешь, они мне твою фотку показывали. Спрашивали, знаю ли я тебя.

– В смысле? – Матвей снял руку с ее плеча и отодвинулся. – Кто показывал фотку? Чехи? Мою? Тебе?

– Ну да. На телефоне. Такое ощущение было, что проверяли, того человека взяли или нет.

– А ты что?

– Я на всякий случай сказала, что первый раз вижу. Они на своем языке что-то начали обсуждать, тут я и выскочила.

– А почему ментам не рассказала?

– Хотела сначала с тобой поговорить. Может ты в какую-то историю ввязался, долги там или криминал. Я ментов знаю, если увидят, что можно заработать, потом не отвяжутся. Так что у тебя с этими чеченами? И зачем им я понадобилась?

– Вообще ничего не понимаю. Ни в какие криминальные разборки я не влезал, долгов у меня, кроме пары неоплаченных штрафов, нет. Я далёк от чеченцев как от Луны. А они точно чеченцы?

– Слушай, я там чуть не описалась прямо в машине от ужаса. Думаешь, у меня было время разбираться кто они?

– Ну да... Матвей задумчиво потёр переносицу. – Извини, но я реально ничего не понимаю.

«...И набрав воздух в нижнюю часть живота, задержите его там не менее двух минут, визуализируя одновременно три главных канала, идущих от точки между бровей к точке, находящейся на ладонь ниже пупка...»

Матвей медитировал уже больше получаса. Это было много. Обычно минут через пятнадцать у него затекала нога или уставала спина, а в голову забирались мысли, коварно сталкивающие с духовных вершин. Но вчерашний день, начавшийся так хорошо, оставил после своего не безвременного ухода тревогу и запутанность в мыслях. Какие-то мутные чеченцы, которые его ищут. Почему через Лерку? Он не скрывается, могли бы сразу к нему... Эта Ясна, девушка из клуба, тоже катастрофически нарушала гармонию его внутреннего мира. Была в их встрече какая-то незаконченность, недоговорённость, суть которых он пока не мог понять. Медитация должна была привести мир в относительное равновесие, но почему-то не приводила.

Сидевший на полу в позе полулотоса, Матвей выпрямил ноги, потянулся и отправился на кухню пить кофе.

Телефон на кухонном столе был наполнен сообщениями. Не было только одного, которого он подсознательно ждал. «Когда пытаешься понять, почему что-то не получается так, как ты хочешь, нужно осознать, насколько искренним было твое желание» – вспомнил он чью-то умную мысль. Взял телефон, набрал сообщение.

«Привет. Выспался». – Поставил два смайлика и улыбнулся, словно возвращаясь к какому-то приятному воспоминанию – «ты как? Добралась нормально? Что сегодня? Встретимся?».

Через пару минут телефон блякнул, на экране мессенджера всплыло имя «Ясна-клуб». Он открыл сообщение. «Я ок. Сорян. Сегодня никак». И три смайлика с поцелуем.

Что-то в сообщении его задело. Он считал, что написать девушке на следующий день после секса – дать надежду. Не написать вовсе – дурной тон. Поэтому всегда выходил на связь через день. Разговор получался легким и ни к чему не обязывающим. Он никогда не договаривался о следующей встрече. Давал себе время понять, хочет ли он этого, брал паузу. И обычно его хотели, а он выбирал. Но в этот раз он безусловно сам стремился увидеть Ясну. Было такое чувство, что после её ухода в реальности образовалась какая-то дыра, битый пиксель. И это бесило, хотелось привести картину мира в порядок, чтобы там снова все было на привычных местах. Но дыра была нестандартной и, похоже, заполнялась только Ясной.

«Противно, – подумал он. – Я просто ее хочу. И это обычная химия. Тупая химическая реакция организма. Почему моя жизнь должна как-то меняться из-за тупой химической реакции?»

Он налил в чашку немного молока, взбил в капучинаторе густую пену и когда её белые радостные облака смешались с темной субстанцией кофе, вдохнул его запах, почувствовал ладонью тепло напитка. Сел, продолжая держать чашку с кофе в руках, не торопясь, сделал глоток и открыл для себя очередной день.

Глава третья

От дома до офиса можно было доехать за полчаса.

Он выехал заранее, чтобы успеть к назначенной встрече с клиентом с запасом в четверть часа, этого обычно хватало на чай и настрой на креативность.

Движение было вялым, но город ехал. Погода стояла теплая и солнечная. По радио хриплый мужской голос пел: «Разделяла нас пара шагов, но до этого дня, я не знал, что такое любовь, и что ты из огня...» Матвей сделал звук громче, опустил стекло, в салон тут же влетели целые гроздья тополиного пуха. Другие машины так же медленно ползли рядом и он разглядывал водителей, машинально отмечая всех смуглых и бородатых. Мысль о таинственных чеченцах, которые его ищут, не отпускала. Мимо плыл чёрный «мерседес» s-класса с тонированными стеклами. «Сто процентов – дети гор, – подумал он. – Тонировка там, похоже, национальная традиция. Как они только техосмотр проходят?». Матвей представил себе человека, который ехал в салоне – с бородой, в сером полосатом костюме с галстуком и в папаше. «Делегат маленького, но гордого народа едет в Думу решать вопросы».

Пока его воображение рисовало образ гламурного бородача в папаше, стекло на задней двери седана наполовину опустилось. В машине сидела девушка. Лица сначала не было видно, ветер, залетевший в открытое окно заслонил его копной тёмных, цвета ночи, волос. Потом он увидел, как тонкая изящная кисть руки, на которой золотом блеснули дорогие часы, откинула прядь и пассажирка посмотрела на него почти в упор. Он сразу узнал её. Это была девушка с планшетом, на которую он обратил внимание, пока сидел в кафе. Несколько секунд она не отрывала от него взгляд. Потом стекло поползло вверх.

Незадолго до того, как оно окончательно закрылось, Матвею показалось, что пассажирка «мерседеса» ему подмигнула.

Влад, в темных брюках, белой расстегнутой на три пуговицы рубашке, уже сидел в переговорной.

Густые волосы на его груди прижимала массивная золотая цепь и масштабное распятие. Поймав недоуменный взгляд Матвея, он потрогал крест:

– Имиджевый аксессуар. Из 90-х. Надевал на встречи с бандюками. Пусть заказчик видит, что мы свои, а не иудеи какие-нибудь.

Он положил перед собой бумагу и карандаши. Сисадмин настраивал проектор. Маленькая Вера принесла поднос с чаем, печенье «Юбилейное», баранки и вазочку с вареньем.

– Банку с вареньем тоже сюда поставь. Смотри – он показал банку Матвею. «Наш край». Родное, русское. Не отрываемся от почвы.

– Я за любую почву, – кивнул Матвей, – лишь бы на ней росло бабло.

– Не глумись, – Влад с треском надкусил баранку. – Настройся на искренность и сострадание. Заказчик не дурак, фальшь за версту учует.

– Ага. – Матвей кивнул на тяжелого золотого Христа на груди партнера. – Особенно твой аксессуар искренне выглядит.

– Аксессуар выглядит глупо, – согласился Влад. – Но глупость – тоже своего рода искренность.

– К вам отец Гурий. – Вера открыла дверь и на пороге переговорной появился невысокий, стройный мужчина лет сорока, с аккуратно, даже, пожалуй, излишне заботливо подстриженными усами и бородой, одетый в черную рясу с наглухо застегнутым воротом подрясника. На его голове разместились небольшая круглая шапочка. Он вошел в комнату, остановился и сказал «здравствуйте».

– Здравствуйте, добро пожаловать – Влад суетливо поспешил навстречу священнику и сделал неловкое движение, как бы намереваясь поцеловать ему руку.

– Не нужно, – улыбнулся Гурий, – руку принято целовать, когда просят благословения. И целуете вы в этот момент не мою руку, а десницу самого Господа.

– Это мой партнёр Матвей, – чтобы скрыть смущение Влад повернулся к Матвею.

Тот наклонил голову и сказал просто: «Здравствуйте, отец Гурий. Проходите, садитесь».

Отец Гурий внимательно посмотрел на Матвея. Ответил: «и вам здравствовать», подошел к столу, сел. Плавнo, с достоинством, налил себе чашку чая. Все его движения были неспешными, растянутыми во времени, словно он находился не в воздухе, а в жидкой среде. Так же плавнo он достал из малозаметного кармана две визитные карточки. «Особое синоидальное учреждение РПЦ. Отец Гурий. Руководитель проекта» – прочитал Матвей. В структуре церкви он не разбирался, но тактично не стал уточнять, какие обязанности и полномочия у необычного клиента.

– Предлагаю начать с нашего портфолио, – Влад открыл компьютер, подключённый к проектору и на экране появился логотип агентства. Вот наши заказчики – он открыл следующий слайд, но отец Гурий махнул рукой:

– Не надо, не надо! Для нас это не главное, достаточно, что вас рекомендовали люди, – он сделал многозначительную паузу, ко мнению которых церковь прислушивается. Для нас важна, прежде всего, конфиденциальность заказа и понимание огромной ответственности, которая ляжет на вас в том случае, если мы договоримся.

– Мы, конечно, не спецслужба, а всего лишь пиар-агентство, но хранить секреты умеем, – с важным видом сообщил Влад.

«Какие, интересно, секреты он имеет в виду? – подумал Матвей. – От налоговой, что ли?» Но промолчал и благоразумно кивнул, подтверждая полную готовность хранить любые тайны.

– Не могли бы вы хотя бы вкратце обрисовать задачу? – обратился он к священнику.

– Только вкратце её и можно обрисовать. – Отец Гурий разломил в кулаке баранку, положил один из кусков в рот и с хрустом разжевал. Потом отпил глоток чая, поставил чашку на стол и спросил Матвея:

– Что вы знаете о Боге?

– Ну... – вопрос был неожиданным и Матвей не знал, что именно он должен ответить. – Бог – это творец, он сотворил мир, потом воплотился в человеке и этого человека распяли. Но он дал откровение о том, как человеку надо жить, чтобы после смерти попасть в рай и потом воскреснуть... или сначала воскреснуть, а потом попасть в рай – Матвей понял, что запутался. – Ничего я о Нём толком не знаю, – честно признался он. – А что можно вообще знать, если Он – непостижим?

– Знать и постигнуть – две разных вещи, – нравоучительно заметил Гурий. – Мы знаем о Господе по его проявлениям в мире, который доступен нашему пониманию. А постигнуть Его мы не в силах, поскольку сам Он бесконечно шире того мира, который нам доступен. Но, – он посмотрел на Матвея и снова улыбнулся, – незнание – это лучше, чем ложное знание. Вы сможете, мы надеемся, подойти к задаче нестандартно, принести свежий, современный взгляд.

– Так в чем все-таки будет наша задача? – Матвей видел, что священник разломил еще одну баранку и ждал очередной длинной паузы. Но отец Гурий произнёс:

– Мы хотим заказать вам пиар-концепцию Бога. Разумеется, в русле православной трактовки. – И лишь потом захрустел баранкой.

Все замолчали. Впервые за время переговоров с самыми разными заказчиками даже Влад не знал, что сказать. Первым нарушил молчание Матвей.

– А зачем Ему пиар? – спросил он священника. – Я понимаю, что пиар нужен продукту или бренду. Бренд должен вызывать доверие, доверие бренду увеличивает продажи.

Влад под столом толкнул его ногой. Матвей понял сообщение: «Заткнись, будет бюджет, мы пропиарим что угодно, даже то, чего нет».

– Доверие. – Подтвердил Гурий. – Доверие – это и есть Вера. Вот вы, Матвей, вы верите в Господа? Вы доверяете ему?

– Я верю... – Матвей постарался ответить максимально искренне, – верю, что есть некая высшая реальность, которая...

– А вы можете доверить этой «высшей реальности» вашу мать? Вашего ребенка? Любимую женщину? Себя самого? – священник пристально посмотрел в глаза Матвея.

– Ну как я могу ей что-то доверить? – пожал плечами Матвей. – Она же высшая. Вне моего понимания. «Что он Гекубе, что ему Гекуба» – процитировал он Гамлета. – Я для нее просто пиксель во вселенной.

– Так вы стали бы лететь на отдых самолетом компании, для которой человек – просто пиксель? Или принимать лекарство, которое произвела корпорация, для которой важнее иные, совершенно вам непостижимые цели, нежели ваше здоровье?

– Нет, конечно. Но причем тут Бог?

Отец Гурий посмотрел на Матвея, как на неразумное дитя.

– Вера – это основа процветания нашей Церкви. Её главный продукт, который она, говоря языком коммерции, продает. Чем объект веры дальше от человека и непонятнее ему, тем меньше ему доверяют. Тем слабее вера. Тем большие, образно говоря, убытки несёт производитель. Все эти древние истории о воскрешениях, исцелениях и прочих чудесах уже не работают. А если работают, то на самую, так сказать, малоинтересную для нас аудиторию, которая и так приходит к вере, в силу убогости своего бытия и общей тяжести жизненных обстоятельств. Есть у нас в Церкви, конечно, авторитетные отцы, которые считают этот инструмент единственно правильным. То есть, чем хуже живут люди, чем более они страдают, тем ближе они к вере и Господу. Но сегодня эти идеи не поддерживаются политическим руководством. Одним словом, нам интересен активный гражданин, возрастная группа 25–45 лет, владеющий хотя бы одним автомобилем на семью и чей доход на члена семьи не ниже 50 тысяч рублей... Я вышлю все наши требования к целевой аудитории на электронную почту.

– Подождите, – проснулся Влад. – Вы говорите, нет чудес. А схождение Благодатного огня? Разве не чудо?

– Во первых, – отец Гурий загнул палец с безупречным маникюром, – как он нисходит видит только один человек, который и молится в помещении Гроба Господня о его нисхождении. Во-вторых, – он загнул еще палец, – как можно говорить о чуде, если после того, как одна уважаемая телевизионная компания выкупила эксклюзивный контракт на освещение этого чуда, огонь нисходит ровно в тот момент, чтобы совпасть с 11-часовым выпуском новостей этой уважаемой компании. И в третьих, – он загнул третий палец, – помните о нашем соглашении о конфиденциальности. Мы с вами в контексте дискурса можем обсуждать любые вопросы. Но сам дискурс остаётся исключительно в этих стенах.

– А что по срокам? – Матвей решил перевести разговор в практическую плоскость.

– Церковь, как вы понимаете, живет по своему особому времени, – плавно изрек отец Гурий. – Но и тянуть до второго, так сказать, пришествия, мы тоже не хотели бы. Поэтому первый вариант концепции мы ждем через два месяца после подписания договора и выплаты аванса, – жёстко закончил он.

При слове «аванс» погрузневший, было, Влад оживился.

– Мы беремся! – так же бодро сказал он. – Но, как вы понимаете, задача не тривиальная. Поэтому и расценки будут не совсем стандартные.

– Церковь не разбрасывается деньгами, – сухо произнёс отец Гурий. Но мы понимаем сложность задачи, и оплата будет соответствовать масштабу и качеству предложенного решения.

– Тогда мы подготовим договор? – спросил Влад.

– Договор уже подготовили наши юристы. Я пришлю его сегодня же вам на почту. Если вопросов не будет, на этой неделе и подпишем с Божьей помощью. – Отец Гурий прекрестился. – А мне пора, – он встал, оправил рясу и посмотрел на Матвея. – Будем с вами работать в тесном контакте.

– Благословите, отец Гурий, – Влад решил, что чаепитие с баранками и вареньем «Наш край» будет неполным, если не окончится благословением. Священник осенил Влада крестным знаменем и протянул руку, которую тот осторожно поцеловал. Потом взглянул на Матвея. Тот стоял в замешательстве, благоприятный момент был упущен.

– В добрый путь, – только и нашёлся он что сказать и чуть поклонился. – Будем работать над поставленной задачей.

– Господи, благослови, – ответил отец Гурий и вышел из переговорной.

– Ну и что будем делать? – спросил Матвей у Влада, когда звонкий голос бухгалтерши «ой, батюшка, благословите!» показал, что священник уже на выходе из офиса.

– Что делать? Работать! – Влад распечатал нетронутую коробку печенья. – Я у нас на хозяйстве, а ты – креатив. Вот они, деньги, лежат на виду, подходи и бери. Так что включи мозг, думай, не подведи!

Отец Гурий вышел из офисного центра. Из его движений исчезла плавность, он шел быстро, по-военному выпрямив спину. Выскочивший из черной семерки БМВ водитель подбострастно открыл перед ним дверцу автомобиля. Гурий сел на просторное заднее сиденье, в это время в кармане у него зазвонил телефон. «Да, встречу закончил. Всё по плану. Да, доложу лично, буду через 30 минут». Он спрятал телефон: «В патриархию. Быстро».

В офисе Влад допивал чай.

Матвей сел напротив и подтянул к себе лежавший перед Владом на столе листок бумаги, на котором тот делал какие-то пометки во время встречи. Там оказался рисунок нескольких куполов сомнительной геометрии с крестами. Матвей хмыкнул и вернул лист партнёру:

– Тебе только татуировки зекам набивать. По куполу за год отсидки. Одно не понятно, – Влад закинул руки за голову и стал раскачиваться в кресле. – Почему мы? Религия – вообще не наша тема. Да и грешники мы с тобой оба. Сексоголики. У тебя постоянный блуд, у меня прелюбодеяние. Далеки мы от духовных сфер как декабристы от народа.

– Как я понимаю, Бога тоже не для святых надо пиарить. Святые и так в него верят. А мы должны понимать целевую аудиторию. Чувствовать её, так сказать, грешным сердцем. Тут главный вопрос – в мотивации. Зачем верить? Чтобы не грешить? Чтобы черти не жарили на сковородке? Но чтобы испугаться чертей – надо сначала в них поверить. То есть, получается, требуется поверить, чтобы испугаться? Как-то все запутано, – Матвей взял листок бумаги и нарисовал на нём отвратительную рожу с рогами. – Как можно пиарить то, что внушает ужас? Что там попы обещают грешникам? Вечные муки? Представляешь, чтобы мука была вечной? Вот у тебя вечно болит зуб. Если он все время болит, ты разве понимаешь, что это мука? Ты уверен, что это – нормальное состояние зуба.

– Знаешь, давай сделаем перерыв на несколько дней, – предложил Влад. – Переспим с идеями. Ну, или просто переспим. Почитаем книжки. Поговорим с экспертным сообществом. Может, появится какой-то просвет.

Двор, где Матвей обычно парковал машину, был обильно усыпан клейкими почками, облетевшими со старых лип, еще не вырубленных ради унылых, обнесённых монументальными бордюрами, газонов и безликих детских площадок. Почки облепили веснушками капоты стоявших рядом машин, казалось, что металл, нагретый весенним солнцем и политый дождем, пустил желто-зеленые ростки. Из окна его квартиры открывался восхитительный вид на ста-

рую часть города, где разноцветные крыши перемежались золотыми куполами церквей. Матвей переоделся, вышел на улицу и без особой цели пошёл гулять по кривым переулкам, вдыхая запахи весеннего города и разглядывая прохожих. Мимо прошли две немолодые женщины в белых платках, вышедшие из соседней церкви. «Зайти, что ли, в храм – Матвей посмотрел на входную арку из тёмно-красного кирпича, над которой висела икона Богородицы. – Может, посетит откровение...»

Внутри церкви было прохладно, пахло воском и ладаном. Он подошел к большой, почти в рост, иконе. На ней был изображен человек со строгим благообразным лицом, держащий в руках открытую книгу. Было тихо, при входе женщина, продающая свечи, неслышно перебирала какие-то бумажки. Матвей стоял перед иконой, пытаясь сосредоточиться и проникнуться духовным содержанием изображения.

«...Не здоровые имеют нужду во враче, но больные... Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников...» – вдруг услышал он голос за спиной. Матвей обернулся. Рядом с ним стояла Ясна. Была она одета совершенно не для церкви – голубые потертые джинсы с дырками на коленях, белая блузка с синими полосками. Длинные волосы убраны в соблазнительный хвост. Она улыбалась. «...Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфей, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним». Это икона евангелиста Матфея – пояснила она. – Он налоги собирал. Людей его профессии никогда особенно не любили».

– К-как, – Матвей запнулся от неожиданности, – как ты здесь очутилась?

– Счастливое совпадение, – Ясна улыбнулась еще шире. – Веришь? Заезжала к подруге в офис, дай, думаю, в церковь загляну. А тут увидела твою широкую мужественную спину. Ты сам-то зачем сюда пришёл? Проблемы? – она потянула его за рукав к выходу. – Ну пойдем, расскажешь.

Строгая тётка в углу оторвалась от бумажек и неодобрительно посмотрела на Ясну. Губы её совершили движение, словно собираясь что-то сказать, но звук так и не родился. Она не отрываясь проводила девушку взглядом, пока та не вышла из храма.

– Это ты из Евангелия цитировала? – спросил Матвей. Откуда ты всё это знаешь? Какое-то специальное образование?

– Нет, просто мой отец как бы в теме... Я спрашивала, он старался ответить как мог, в меру моего понимания, конечно.

– Ты что, интересуешься религией? Вот уже никогда бы не подумал!

– Да не то чтобы интересуюсь. – Ясна посмотрела куда-то в облака. – Я бы сказала...Смотри, отличное кафе. Давай сядем.

На другой стороне улицы перед витриной с аппетитными булками были выставлены несколько столиков. Солнце нагрело воздух, казалось, теплый ветер специально несет к ним аромат кофе и свежей выпечки. Они вышли на дорогу, но в этот момент, словно образовавшаяся из ниоткуда, из сумрака сгустившегося вдруг воздуха, на огромной скорости выскочила машина. Ясна, которая шла первой, толкнула Матвея в сторону и резко повернулась боком, так, что автомобиль задел ее лишь краем зеркала, порвав блузку и оставив на предплечье глубокую царапину, из которой обильно потекла кровь.

– Блять, – только и смог сказать Матвей.

Прошло несколько секунд, пока он сообразил, что Ясна нуждается в срочной помощи. Он усадил ее на ступеньках церкви и бросился внутрь, чтобы попросить кусок чистой ткани. Женщина выскочила на улицу, увидела рану, запричитала и побежала искать из чего можно было бы сделать временную повязку. А Матвей безуспешно пытался дозвониться до «скорой». Руку Ясны кое-как перебинтовали, кровь, похоже, остановилась.

– Слушай, не нужно «скорую», – она взяла Матвея за руку, в которой он держал телефон. – Вызови мне такси. Я домой поеду. Всё будет в порядке.

– Постой, зачем домой? Пошли ко мне, ты хоть полежишь, придёшь в себя, да и врача на дом можно вызвать.

– Нет, не хочу – в голосе Ясны послышалось лёгкое раздражение. – Я прошу, вызови такси.

Через несколько минут к церкви подъехал автомобиль. Ясна быстро чмокнула Матвея в щёку, села в машину и уехала. Женщина посмотрела ей вслед, потом на Матвея.

– Номера то не запомнил? – спросила она. – Носятся как сумасшедшие. Ведь и убить могли. Тьфу, креста на них нет! – и она скрылась в храме.

Глава четвёртая

В то самое время, когда происходила вся эта сумятица в переулке у церкви, на расстоянии десяти минут медленной езды от центра города, в четырехэтажном здании, отделанном серой плиткой под гранит, в кабинете на втором этаже шло совещание.

Совещались трое мужчин, одетых почти одинаково – в костюмы невыразительных расцветок, рубашки светлых тонов и тёмные галстуки. Судя по всему, двое из них были подчинёнными – пиджак старшего висел на спинке кресла и если он обращался к коллегам по имени, то они уважительно называли его по имени-отчеству.

Большая карта города на стене была усеяна красными флажками. Тот, что в рубашке, подошел к карте, достал телефон, открыл ленту сообщений и ткнул пальцем в карту:

– А ещё они появлялись здесь, здесь и вот здесь, – его палец с сухим стуком барабанил по пластику.

– Мы в курсе, – Пётр Георгиевич, – сказал один из тех, кто был в пиджаке, мужчина лет тридцати – тридцати пяти, невысокого роста, плотный и коротко стриженный. Просто отметить не успели.

Пётр Георгиевич вернулся к столу, сел в кресло, вытащил из лежащей на столе пачки сигарету и закурил.

– В том-то и дело, что мы в курсе всего, Серёжа. – он выдохнул дым в сторону окна. – Мы только не понимаем, зачем они здесь. Где цель. Не можем даже предположить место и дату. И если где-нибудь ёбнет, одновременно ёбнет и по нам, вы это хорошо должны понимать. Источник совершенно определённо сообщил, что в столицу направлена группа, очень серьёзная, которая может каким-то образом получить доступ к ОМП и что с высокой степенью вероятности планируется масштабный теракт. Дело под контролем руководства, – он поднял вверх указательный палец. – А что у нас? Ноль. Какие-то бессмысленные метания по городу. Клубы, рестораны. В музей они зачем-то поехали. Нахера им музей, спрашивается?

– Может, у них там контакт работает? – предположил тот, кого назвали Серёжей.

– Может, и контакт, – старший затушил остаток сигареты в пепельнице в виде чугунной задницы с большой дыркой посередине. – Проверяйте, проверяйте всех, смотрите биллинг, нам нужно выяснить, кого они ищут.

– А давайте просто возьмём их, а? – спросил второй в пиджаке. – И потрясём, как положено?

– Дурак ты, Ваня. – скривился Петр Георгиевич. – Возьмём за что? Они же не ездят с поясами смертников по городу. Вы машину пробили? Она чья? Вот именно. Вы понимаете, какой будет скандал, если у нас на них ничего не будет? Всех вы@бут, но кого-то по-человечески, а вас еще и в извращённой форме. Оно нам надо?

Через какое-то время Ваня и Серёжа вышли из здания во двор особняка, сели в стоявший у подъезда чёрный «форд мондео», и машина через отворившиеся железные, выкрашенные в такой же чёрный цвет, ворота, выехала в город.

За окном начинался дождь.

На подоконнике нахохлился мокрый голубь и одним глазом наблюдал за Матвеем. Тот сидел на кухне и, в свою очередь, наблюдал за голубем. Лежавший на столе телефон молчал. Матвей несколько раз брал его в руки, проверял, нет ли пропущенных сообщений. Хотя точно знал, что их нет, ведь если бы что-то пришло, он услышал бы сигнал. Всё совпало: испортившаяся погода, сбежавшая девушка, полное отсутствие каких-либо идей по заказу отца Гурия. Он ещё какое-то время обменивался взглядом с голубем, потом набрал сообщение Лерке: «Как ты? Хочу тебя проведать. Может, что-то привезти?». Через несколько секунд всплыл ответ:

«Дома, заезжай, привози себя». «Когда не знаешь, что делать, сделай что-нибудь хорошее», – подумал он и пошёл одеваться.

Только он выехал, как на город обрушился обильный весенний ливень. Вечер стал тёмно-серым и уютным. Дворники размазывали потоки воды по стеклу, из-за этого город стал похож на странное кино, где каждый кадр проявляется после взмаха щеток. Хотелось в тепло, чтобы был уютный диван, плед, чай с имбирем и чтобы кто-то сидел рядом, так, для атмосферы. Нужен ли был ему кто-то, кто находился бы рядом постоянно? Он так не думал. Матвей считал себя независимым и самодостаточным, способным всегда занять собой своё свободное время. Да и времени этого было не так, чтобы много. Но не проходило и часа «одиночества», когда он откладывал книгу или отвлекался от фильма и начинал довольно бессмысленно сёрфить сеть. Зачем? Если бы его спросили, он бы ответил, что хочет быть в курсе новостей. Но на самом деле в этих поисках было лишь ощущение отсутствия одиночества, псевдообщение с такими же занятыми людьми, эмоций которых хватало только на то, чтобы поставить лайк или смайлик.

Он вспомнил давний разговор с одним музыкантом. Тот рассказывал, что в начале 80-х конструктор музыкальных синтезаторов Дэйв Смит предложил способ представления нот. Он назвал его MIDI. Там была цифровая модель, которая включала в себя только два показателя: клавиша нажата и клавиша отпущена. В итоге MIDI, созданный для того, чтобы всего лишь соединить несколько синтезаторов, стал стандартом представления музыки в программном обеспечении. Но, созданный для клавиш, он не мог точно описать звучание саксофона, флейты или скрипки. Оцифровка музыки, которая сделала её доступной, создала возможность записывать и слушать на огромном количестве устройств, на самом деле отобрала у людей полноценную музыку. Когда оцифровка стала повсеместной, менять что-то было уже поздно. В итоге люди слышат в цифровой записи не оркестр, а синтезатор. Так иконки эмодзи, созданные вроде бы для того, чтобы люди могли обмениваться эмоциями, в результате заменили их собой. Сочувствие или восхищение, или возмущение умещаются в один клик, в рожицу, в сердечко, в нарисованный палец. Лайки стали мерилем дружбы. Эмоциональный фаст фуд.

«Мы делаем мир лучше! Мы делаем людей ближе! Мы разрушаем границы и сокращаем расстояния!» – ха-ха-ха. Матвей проехал поворот и разозлился ещё больше. – Нет, настоящий хозяин, царь и Бог социальных сетей – рекламодатель! И я – не Матвей, такой весь из себя красивый, с сотней фотографий и множеством умных и ярких постов. Нет, я площадка для продажи пены для бритья или велосипеда. Тьфу ты!» – он резко нажал на тормоз. Похоже, что он все-таки немного задел чужую машину, так как из неё вышел крупный широкоплечий мужчина, подошел к его водительской двери и, пристально глядя в глаза Матвея, покрутил пальцем:

– Опустит стекло.

Матвей с ужасом разглядывал крупное недоброе лицо с приплюснутыми ушами борца и короткой рыжеватой бородой.

– О чем задумался, а? – водитель посмотрел на Матвея взглядом человека, уверенного в своём физическом превосходстве.

– Да тут даже следа нет, – слабо оправдывался Матвей. – Номер вот немного помыл.

– А ты знаешь, сколько этот номер стоит?

– Рамазан, остынь! – задняя дверь мерседеса открылась и на асфальт опустилась стройная нога, потом вторая, и вот уже сама хозяйка этих прекрасных ног вышла из машины и внимательно посмотрела на Матвея.

– Я не первый раз вас вижу – нахмурилась она. – Вы что, за мной следите?

– Слежу? – Матвей узнал девушку: это её он видел вчера в кафе, это она, как ему показалось, улыбнулась из окна своей машины на дороге. – Я вас вообще не знаю! – он взглянул на хмурого водителя, кожей ощущая исходящую от него опасность. – Я сюда в гости приехал!

– И я вас не знаю! Возможно, показалось. Наргиза, – она протянула Матвею тонкую кисть. Тот осторожно коснулся протянутой руки, словно боялся обжечься. Кто знает, может за то, что он ее коснется, его сейчас на месте и завалят как покусившегося на чью-то собственность.

– Правильно боишься! – девушка заметила его нерешительность. – Наргиза – значит «дочь огня». Могу обжечь!

Оказалось, Наргиза снимала квартиру в том же доме, где живет Лера. Они вместе зашли в лифт. Водитель, он же, видимо, охранник, занял большую часть пространства, так что Матвей был вынужден стоять прямо напротив странной новой знакомой. Пока лифт поднимался, она разглядывала его в упор так, что Матвей невольно отвёл глаза. Наконец лифт остановился на нужном этаже, и Матвей вышел.

– Хорошего дня! Осторожнее на дороге!

– Спасибо! – Матвей выдохнул и почувствовал странное облегчение, когда двери лифта закрылись и он остался один.

Несмотря на то, что девушка была очень красивой и откровенно шла на контакт, он испытывал чувство дискомфорта. Сильный характер, уверенность в своей власти над мужчинами – встречая таких женщин, он всегда проигрывал. Ими нельзя было управлять или использовать их, скорее, они использовали. Если им хотелось трахаться, Матвей мог обеспечить себе отличный секс. Но после секса о нем совершенно забывали до следующего раза, а иногда навсегда. И его бесила невозможность контролировать ситуацию.

Валерия открыла не сразу.

В какой-то момент Матвей подумал, что ей пришлось уехать и уже нажал кнопку вызова лифта, но тут дверь наконец открыли. Лерка пахла шампунем и была одета в тонкий голубой шелковый халат. Матвей кожей почувствовал, что больше никаких предметов в этот дресс-код добавлено не было. Он уже начал представлять, как халат этот стекает с гладких плеч, с груди, с бёдер, открывая знакомое восхитительное тело, но тут заметил в гостиной чьи-то явно не девичьи ноги в темных джинсах.

– Заходи, – сказала Валерия, и Матвей, зайдя в гостиную, увидел тело, к которому относились ноги. Принадлежало оно мужчине лет сорока, крупному, с небольшим животиком любителя сытой размеренной жизни. Женщины таких любят: они – как домашние коты, уютные и не раздражают своим поджарым мускулистым совершенством. – Познакомьтесь, Матвей, а это – Павел. Заехал неожиданно, не успела тебя предупредить.

На журнальном столике перед Павлом стоял большой букет цветов. Матвей в уме обозвал себя нехорошим словом – приехал с пустыми руками. Думал: вот сидит несчастная Лерка, одна, в тоске, и он, принц на белом коне, развеет её одиночество. А тут мужик. С цветами. И явно чувствует себя как дома. Валерия, похоже, просто упивалась ситуацией. Она шуршала шелком по комнате, разливала чай, говорила о каких-то пустяках, ещё и ещё раз рассказывала детали происшествия, которое из обычного гоп-стопа превращалось в голливудский блокбастер. В общем, чувствовала себя героиней. Синие шелковые волны халата слегка волновались и качали в своих глубинах гладкую Леркину грудь. Матвей и Сергей тоже волновались, когда волна проходила слишком близко.

«Как же примитивно устроен мужской мозг, – подумал Матвей. – Я сто раз мог здесь остаться. Но я ведь такой, блин, эксклюзивный. Одинокий, привлекательный, обеспеченный, свободный – мечта любой девушки в городе. Это меня должны хотеть, а я – выбирать. Но только появилась конкуренция, только оказалось, что девушка, даже бывшая, нужна кому-то»

ещё, вот оно, ретивое. Взыграло. Причём во всех местах одновременно. Теперь сижу тут на краю дивана. Криво улыбаюсь. Онегин, бля».

– Я, пожалуй, поеду – он допил чай и поднялся. Никогда не умел он выигрывать такие поединки. А, может быть, боялся, что, если выиграет, придется взять на себя какие-то ненужные ему обязательства. – Если понадобится какая помощь – звони. Валерия подставила ему загорелую щеку. «Не будь тут Сергея, поцеловала бы в губы» – разочарованно подумал он. И тут же постарался загнать мужское эго поглубже, чтобы не показать, что задело.

– Спасибо, что приехал. Созвон, списон.

Надевая куртку, он всё же обернулся и посмотрел на Сергея. Тот слился с Леркиным диваном в единый монолит и сейчас напоминал сурового капитана ледокола, который пробивает единственно верный путь через замёрзшее море. Такой тип мужчин Матвей был знаком. Они не путались в альтернативах. И всегда точно знали, чего хотят. «Я же сам отказался» – успокаивал он себя, спускаясь в лифте. Но нехорошее чувство ревности ещё какое-то время воровалось где-то в области солнечного сплетения и отпустило только когда он доехал до дома.

Разбудил его звонок Влада.

– Доброго утра, креатив! Родил чо? Давай, приезжай в офис, обсудим. Я ночь не спал, читал Библию. Ничего не понял. Пока мне только про десять заповедей понятно более или менее. Это как Уголовный кодекс, только короче и наказание за всё одинаковое – «геенна огненная». Но в рамках пиар-концепции я вообще не понимаю, как эту «геенну» употребить. И при любом раскладе, нам нужно нести целевой аудитории не страшилки, а что-то позитивное. В общем, нужен мозговой штурм и срочно, а то сроки не выдержим и заказ наш бесценный – тью-тью.

– Хорошо, буду, – Матвей вспомнил, что у него назначена отмененная накануне из-за Лерки встреча и добавил: – часа через два.

Через час Матвей уже заходил в кафе на первом этаже офисного здания. Пахло свежемолотым кофе. Матвей любил этот запах. Кофе пах Карибами, океаном, загорелыми девушками и приключениями. Перед долгим рабочим днём – как раз то, что надо. Хороший стимул заработать много денег. И потом – Карибы, океан, загорелые девушки...

«Это хорошо, когда есть такая последовательность, – подумал он и оглядел зал, наполненный корпоративными солдатами с лицами цвета «до отпуска еще два месяца». Они склонялись над чашками с душистым ароматом и тоже, возможно, мечтали о Карибах. – У большинства в этой связке присутствует только кофе...»

Парня, с которым договорились о встрече, Матвей знал давно, с тех времен, когда тот только начинал карьеру менеджером в отделе новых продуктов и услуг крупной технологической компании. Сейчас Кирилл был топом в фонде, который скупал перспективные, но не доведенные до промышленного образца разработки. Покупали значительно ниже рынка, дорабатывали, причём часто с той же командой, потом дорого продавали. Главным в этом бизнесе была адекватная оценка рыночной перспективы сырого продукта. Кирилл чуял перспективу, как тусовщик чует в хаосе ночного клуба драгдилера.

Им принесли два душистых капучино с крупными сердцами из белой молочной пены. Матвей подул на свое сердце. Две половинки разошлись и между ними тёмной трещиной проступил кофе.

– Сердце моё разбито, – пошутил он и вдруг подумал, что Ясна со вчерашнего дня так и не позвонила, потом вспомнил Леркиного мужика с букетом. Шутка показалась ему грустной. – Так что ты хотел обсудить?».

– Слушай, я к тебе пришёл как Маугли к Каа, за мудрым советом. Мы тут купили один стартап. Даже не совсем стартап, а, скорее, так, разработку. Хотим на этот раз сами вложиться

в производство. Нужны идеи, как продвигать. Ну и вообще интересно, что ты думаешь, как эксперт в этой области.

– Ты какую область имеешь в виду? Рекламу и пиар?

– И то и другое. И вообще. – Кирилл как-то двусмысленно улыбнулся. – Продукт, скажем так, необычный. Ты знаешь, что такое интернет вещей?

– В общих чертах. – Матвей оглянулся по сторонам. – Это когда всё барахло в помещении соединяется с сетью и передаёт туда какие-то данные о себе. Унитаз сообщает, сколько граждан на нем посидели и сколько килограммов дерьма унесло водой. Урна – сколько раз в нее плюнули и был ли кариес у автора плевка.

– Типа того. – Кирилл кивнул, не уловив иронии. – Одна команда решила сделать такие датчики в презервативе.

– Чтобы что? – Матвей представил, как использованный презерватив подключают к компьютеру и считывают... – Считать количество фрикций? Потерянные калории? Уровень влажности? И где там датчик поместится? Это же тонкая резина!

– Да что угодно можно передавать. В этом все и дело. Тут огромный потенциал. А датчик встроен в кольцо, основание кондома.

– Так они же одноразовые!

– В том-то и дело! Мы решили не связываться с этими умными презервативами, а выпускать только кольца. Надеваешь кольцо, а потом можешь хоть кондом, хоть бабушкин носок натягивать. Или вообще не предохраняться. Главное, что кольцо всё фиксирует. Время, место, температуру, даже количество оргазмов у любого из партнеров можно засечь. И оно ещё посылает короткие импульсы, которые улучшают эрекцию. В качестве бонуса.

– Вот тёткам будет непруха! – покачал головой Матвей. – Хрен теперь сымитируешь.

– Теткам, да. А мужикам? Надел кольцо, и ты – как на ладони. В приложении на телефоне всё видно, где и когда и как долго.

– Подожди, – Матвей задумчиво взялся за подбородок. Так его же снять можно.

– Вот! – Кирилл закивал радостно и развёл руками, – если ты его снял, тоже видно! Оно как браслет для тех, кто под домашним арестом! Только сторожит не тебя, а твой хер! – И он подмигнул Матвею.

– Тогда, – продолжил тему Матвей, в ЗАГСе вместо обмена обручальными кольцами можно... Слушай, а для женщин тоже что-то такое будет?

– А смысл? – Кирилл снисходительно посмотрел на него. – Если каждый хер будет окольцован, куда им деваться-то? Потом, мы уже работаем над вагинальной версией. Ставят же спираль для предохранения от беременности? Вот и колечко наше – тоже предохраняет от всяких ненужных экспериментов. Сейчас разработчики пишут программу, чтобы женское кольцо могло совмещаться только со связанным с ним мужским.

– Как это – совмещаться?

– Ну если будет осуществлен несанкционированный вход или ввод не синхронизированного устройства, то кольцо даст электрический разряд, например. Прямо в несинхронизированный с ним хер. Или в мобильном приложении партнера сработает сигнал тревоги.

– А в ЗАГСе – из Матвея пошёл креатив, – добавляют текст: «Согласны ли вы стать мужем и женой? Согласны ли вы надеть кольца верности и не снимать их, пока смерть не разлучит вас?»

– Сейчас это супер хайп! – Матвею показалось, что у Кирилла в глазах запрыгали семизначные цифры. – В рамках укрепления нравственности населения. Православие, в каком-то смысле самодержавие и народность без греха. Церковь будет в восторге! Думаю, правительство профинансирует специальную программу доплаты за кольца молодым семьям. Ну или ипотеку без свидетельства об установке кольца не будут давать.

– Можно, – Матвей отодвинул пустую чашку, – для начала договориться с Министерством молодежи, что создаем новую организацию для лидеров мнений. Назовём её «Братство

Кольца». Правильные ребята не курят, не бухают, носят кольца и не трахаются на стороне. Проведём их в Думу, сделаем свою фракцию «непорочных». Можно назвать её «Белая гвардия». Борцы с коррупцией будут рыдать от горя, их аудитория вся перейдёт к «белым». У коммунистов останутся одни пенсионеры, а у ЛДПР – дрочуны. Запустим канал на ютьюбе. Закажем у блоггеров-миллионников в Инстаграмм ролики про верность кольцу. А уж если кто-то из наших политиков или звезд сделает каминг аут «я надел кольцо» – будет просто улёт! Так – Матвей остановил полёт фантазии. Мы готовы подписаться. Тем более, что мы с патриархатом уже работаем, есть крупный проект.

– Ты думаешь, сработает? – ноли в глазах Кирилла замедлили бег. – Вот ты, например. Ты же мастер траха. Наденешь наше кольцо?

– Во-первых, я существо пока не занятое. И могу себе позволить трах без конца и без кольца. Во-вторых, если вы это программируете, то ведь сделаете и джейл брейк? Можно его продавать избранным за хорошие деньги.

– Ну, Матвей, об этом пока рано говорить, а то теряется вся маркетинговая идея. Так мы слонёнка не продадим.

– Вы же не только кольца будете продавать? У вас же будет база и статистика намного ценнее, чем у фейсбука! Кто, как часто и как долго! Тут же прямая связь с активной жизненной позицией и покупательной способностью!

– Да, это мы всё понимаем, поэтому и вкладываемся. Инвесторы уже в очередь встают. Но мы не торопимся. С чиновниками начали общаться. Те тоже писают кипятком. Еще для ФСБ мы подготовили закрытую презентацию. Они всё ещё террористов по телефону дедовскими методами ловят. А мы дадим возможность схватить негодяев сразу за яйца. В прямом смысле.

– Отлично! – Матвей протянул руку. – Как созреете, мы готовы влиться. На связи.

– Договорились! – Кирилл пожал ему руку и они вышли на улицу. Кирилла ждал водитель, а Матвей зашел в соседний подъезд и поднялся в офис.

У входа в кабинет его встретили плотно обтянутые джинсами крупные ягодицы. Остальная часть человека наклонилась над столом Маленькой Веры. Влад разговаривал по телефону, прижав его ухом к плечу, и одновременно что-то записывал.

– Да, да, всё понял. По срокам ок. Работа идёт. Есть интересные идеи, Матвей доложит на следующей встрече. Да, всё записал. – Он развернулся и увидел, наконец, Матвея. – Привет. Только что разговаривал с отцом Гурием. Срок нам определен в две недели для первой версии. Так что горим.

– Мы всегда горим. – Матвей прошёл в кабинет. – Хорошо, что не в этой, как ее, Геенне из Библии. Там, судя по всему, не вполне кавайно, раз туда всех, сцуко, грешников отправляют.

На столе у Влада были разложены книги, похоже, только что купленные. Среди них были «Иллюстрированный Ветхий завет», «Библия в гравюрах Гюстава Доре», «Книга премудрости Соломона». «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова», «Новый Завет в современном переводе», «Святое Евангелие в толковании святых отцов» и даже какая-то книжка «Ночь в Гефсиманском саду».

– Ничего себе, ты закупился! – Матвей открыл наугад одну из книг: «Сын мой! Если ты примешь слова мои и сохранишь при себе заповеди мои, так что ухо твоё сделаешь внимательным к мудрости и наклонишь сердце твое к размышлению; если будешь призывать знание и взывать к разуму; если будешь искать его, как серебра, и отыскивать его, как сокровище, то уразумеешь страх Господень и найдёшь познание о Боге» – прочёл он вслух.

– Вот именно, – Влад откинулся в кресле и положил ноги на столик для компьютера. – Мы должны искать как серебра эту пиар-концепцию. Потому что она и есть само серебро. Для

нас с тобой и для кучи голодных офисных ртов за дверью. Так что не занимайся всякой хернёй, прекрати думать о своих бабах и наклони сердце свое к размышлению.

– А зачем ты Библию в гравюрах купил? И иллюстрированный Ветхий завет? – поинтересовался Матвей.

– Потому что сегодня рулят не длинные глубокомысленные тексты, а Твиттер и Инстаграм. Картинки и 140 символов. Мы живём в веке, когда информация должна быть передана максимально быстро. Наглядно и кратко.

– Думаешь, ты что-то поймешь, посмотрев картинки? Это же фактически чужая для тебя интеллектуальная среда. Как UNVGSON.

– Что за хрень? – Влад наморщился.

– Это тоже сокращение. Когда англоязычный собеседник хвалит твоё чувство юмора (i have very good sense of humor). Это как WTF. Только сложнее.

– Так эта мудрость не для меня. Она для тебя, умник. Ты же у нас креатив. Вот и читай, вникай в тему. Вера! – позвал он секретаря. – У нас осталась от маляров большая такая матерчатая сумка? Тащи сюда и сложи книги для руководителя. – Давай так, – он открыл настольный календарь. – Берём семь дней, как для сотворения мира. Ты читаешь, я читаю. Ты думаешь, я думаю. Потом встречаемся и что-то генерим.

Матвей не без труда вклинился в словесный поток компаньона: «Я сейчас на встрече был. Отличная тема. Может, мы как-то соединим проекты?» – и он рассказал Владу о кольце.

– Даа, – протянул Влад. – В страшное будущее мы вступаем. А где ты здесь увидел синергию?

Матвей объяснил:

– В какой момент человек задумывается о Боге? Не просто же так? Бог в общественном сознании – это прежде всего мораль. Мораль не ради абстрактного добра, а мораль – инструмент. Хорошо себя ведёшь, будет тебе шоколадка.

Плохо себя ведёшь, но покайся – шоколадка. Плохо себя ведёшь, не покайся, но поставил свечку в храме – снова шоколадка. Без шоколадки эти действия кажутся совершенно бессмысленными. Получается, раз нет греха и чувства вины – нет и шоколадок. А секс – как раз то, в чём верующие видят свою основную вину перед Богом. Потому как трахаются все. Или почти все – он взглянул в открытую дверь кабинета за которой в Веркином компьютере ковырялся сисадмин. – А кто нет – те дробчат. Это, кстати, тоже грех. Замкнутый круг получается. Можно продвинуть идею, что изобретение кольца верности – божественный промысел, проявившийся в области хайтека.

Он взял фломастер и нарисовал на листе бумаги самолёт без крыльев и надетое на него толстое кольцо. Написал: «Господь в деталях. Мелочи, которые делают тебя тверже».

– Как тебе?

– Маршрут понятен, – Влад взял листок и отодвинул на расстояние вытянутой руки, представляя себе масштабную поверхность ситиборда. – Только вот это – он показал на бескрылый самолёт – слишком прямолинейно. А общая идея кампании как раз схвачена верно. Сумей увидеть проявления Бога в обычной жизни, в мелочах. В тех, которые делают тебя лучше. Маладец! – он хлопнул Матвея по плечу. – Давай двигаться в этом направлении!

Глава пятая

В одной из квартир того самого дома, где жила Валерия, в это время шёл спор.

Спорили загадочная девушка, с которой Матвей познакомился накануне во время небольшого автомобильного инцидента, и двое мужчин: один – высокий, широкоплечий, с мощной шеей, в темно сером костюме и черной водолазке, второй – худой, меньше первого на голову – в брюках и чёрном свитере с низким воротом. Оба были бородаты и стрижены «под ноль». Широкоплечий говорил громко и яростно:

– Я не понимаю, зачем мы должны соглашаться играть в эти твои игры! Этот человек – ничто, просто инструмент, который должен открыть дверь! Мы сидим здесь, а наши братья в это время погибают! У нас есть способы заставить его сделать то, что нужно!

– Понимаешь, Муса – второй человек, постарше, говорил тихо, но в его голосе чувствовалась власть, – мы точно знаем, что не можем его заставить. Дверь можно открыть только добровольно, только если хозяин ключа сильно и искренне хочет этого. Поэтому мы здесь, поэтому Наргиза здесь. И будем здесь столько, сколько потребуется. Ещё ни у кого не получилось войти туда. Сааду ибн Абу Ваккасу после битвы при Кадисии привели того, кто открыл ему тайну Ключа. Но он не смог открыть дверь. А у нас есть шанс. О Ключе все забыли. Традиция утрачена. Ключ в руках случайного человека. И только Наргиза сможет, если нам удастся открыть дверь, войти туда вместе с ним. Хотя для неё это смертельный риск.

– За меня не беспокойтесь, сайеди. Я знаю, на что иду и во имя чего. – Наргиза посмотрела на второго собеседника – и ты, Муса, не торопи меня. Тайна Ключа открылась не только нам. Мы знаем, что враги тоже будут пытаться его получить. У нас есть согласованный план, и мы не будем от него отступать.

Наргиза взяла со столика телефон и набрала номер:

– Рамазан, мы через десять минут едем.

Когда она вышла из дома, машина уже ждала у подъезда. Водитель открыл заднюю дверь, она села, достала из сумочки планшет и начала пролистывать фотографии с жёлтыми в коричневых пятнах листками, заполненными мелкой арабской вязью и едва заметными рисунками. В какой-то момент глаза её стали пустыми, как бывает в момент, когда человек глубоко задумался или погрузился в воспоминания.

Она и правда вспоминала.

Яркое утреннее солнце, ветер гонит песок и мусор по жёлтой земле. Три худых пальмы у каменной ограды. За ней – дымящаяся мечеть без одной стены, вокруг которой расбросаны части людей. Очень многих людей. Рядом с ней чья-то рука, окровавленная стопа с чудом удержавшейся на ней сандалией. Мёртвый старик в чёрно-красной мокрой рубашке лежит и смотрит в небо, словно задаёт вопрос: «За что»? На её платье кровь и она не может найти отца. Кто-то подходит и берёт её за руку, ведёт куда-то и она послушно идёт, лишь бы не видеть этих людей с пустыми глазами на земле.

Она пытается вспомнить отца, но не может, помнит только белую одежду и тонкие кисти рук с длинными пальцами. Помнит, что он читал ей на ночь какую-то книгу, смысла которой она не понимала, но голос отца ей очень нравился и она с удовольствием слушала. Потом, через много лет, она снова увидела в одной книге эти строки и вспомнила. *«Боль существует только в сопротивлении, радость – только в принятии. События, наполненные болью, становятся радостными, когда мы принимаем их с открытым сердцем. События, наполненные радостью, приносят боль, если мы не принимаем их.*

Нет такой вещи, как плохой опыт...Есть просто сопротивление тому, что есть».

Еще там было сказано: *«Бог побуждает умереть для себя и дарует жизнь в Нем. Тварей своих Бог создал как завесу. Кто знает это, тот приближается к Богу, а кто видит тварей его как реальное, тот отгорожен от его присутствия».*

«Я принимаю все, что есть открытым сердцем – подумала она. – Вся моя жизнь была дорогой к Ключу. Теперь я знаю это. Я свободна. И боли больше нет...»

Матвей мучился.

Он несколько раз забивал телефон Ясны в поисковую строку фейсбука, но, похоже, у неё вообще не было страницы, либо она не привязывала к аккаунту номер своего телефона. Да и девушек по имени Ясна там было не так уж много. Ясна Яся, Ясна Радужная, Елена Ясна... он открывал профили, но лица их хозяек были ему не знакомы. Ясна не отвечала ни на звонки, ни на смс. И от этого его просто штормило: «Ну где же ты? Где?»

Матвей открыл Инстаграм, снова набрал: Yasnа. «Yasnа Blik, Yasnа Lebedeva, Yasnасloboda, Yasnaya Polyana...» – Ясны появлялись, но только не его Ясна. «Это меня Бог наказывает – подумал он. – За все мои преступления против женских чувств. – Память вытаскила на свет воспоминание, как одна из его знакомых через несколько месяцев общения перестала отвечать на сообщения, которые он дежурно отправлял пару раз в неделю. Ему не нужны были отношения, но девушка была ничего и возникла в период затишья на личном фронте, так что он поддерживал контакт на плаву. Желал доброго утра, спокойной ночи, отправлял сердца и поцелуи, и даже романтические треки. Ему казалось это милым и ни к чему не обязывающим. Поэтому Матвей очень удивился, когда вдруг «контакт» его заблокировал. Всё же через пару недель он дозвонился, сгорая от любопытства, в чём его вина и почему с ним разорвали такое легкое общение? Девушка наговорила ему массу неприятных вещей и сказала, что он «breadcumber» – парень, который просто поддерживает надежду на отношения, но не прикладывает никаких усилий к тому, чтобы они состоялись.

– Ты мне свои сообщения, как крошки голубю бросаешь – заявила подруга. – Я хожу рядом, клюю, а ты на лавочке устроился и книжку читаешь. Или ещё что-то важное делаешь. Только я тут ни при чем. Так что иди лесом, – и она отключилась.

Тогда Матвей не то, что переживал, ему было даже забавно оказаться в тренде, пусть даже и сомнительного свойства. Но сейчас он правда затосковал.

– Влад, послушай, – я тут познакомился с классной тёлкой.

– У тебя все классные, – Влад сидел за монитором и пытался подбить какой-то особо мощный танк. – Подожди, видишь, проблемы.

– Какая это проблема? – Матвей наморщился. – Поставь на паузу и выслушай, у меня проблемы, мне совет нужен.

– Тут нет паузы, – Влад даже не повернулся в его сторону. – Я онлайн играю. И потом у тебя все проблемы на одну ночь. А на вторую – уже другие. Ты просто без этих проблем жить не можешь. Вот у меня одна любовница. Постоянная. И мне хватает. Я не бегаю по клубам и не знакомлюсь в Тундре или как там эта ваша территория знакомств называется.

Матвей подошел к столу и посмотрел на Влада в упор.

– Так ты женат. Тебе одна любовница и положена. У некоторых в твоей ситуации даже одной нет.

– Не выдумывай. – Влад не отрывал взгляд от экрана. – У всех есть. Просто некоторые об этом говорят, а умные – молчат. Вашу мать! – он хлопнул рукой по столу. – Подбили меня, отвлек все-таки! Ну давай, что там у тебя за драма, рассказывай.

– Да рассказывать особенно нечего. Познакомились в клубе. Поехали потом ко мне. Был отличный секс, ну ничего такого сверхъестественного, чтобы я с ума сходил. Да, девочка молодая, красивая. Имя у нее такое оригинальное – Ясна. Оставила телефон. Потом случайно на

улице встретились, её чуть машиной не сбило. И – исчезла. Не отвечает ни на звонки, ни на сообщения.

– Это сейчас модно, – раздался из-за приоткрытой двери голос сисадмина – гоустинг называется. Человек идёт на контакт, а потом исчезает, вообще блокирует тебя. Мне последнее время все такие попадаются.

– И не только в последнее, Казанова ты наш, – Влад закрыл дверь в кабинет. – Может, у неё какие-то обстоятельства. Бывший снова замаячил на горизонте. Родители строгие. Уехала куда-нибудь. А что ты переживаешь-то? Влюбился? Как-то на тебя не похоже.

– Сам не пойму, – вздохнул Матвей. – Вроде за одно свидание влюбиться как-то странно. И дело не в сексе, секс найти вообще не проблема. У меня без неё, как в анекдоте про шарики. Когда мужик воздушные шарики купил и пришел обратно сдавать. Они, говорит, фальшивые. Спрашивают, почему, а он отвечает: «Не радуют!» Вот и у меня так. Как будто радость жизни украли. Всё супер, а радости нет.

– Да, партнёр, похоже ты попал. – покачал головой Влад. – Была у меня такая фигня. Любовь называется. Это настоящий головняк. Тебе чем-то перебить его нужно. Еще с кем-нибудь познакомиться. Потусить. Потрахаться. Глядишь, и отпустит. Поезжай домой, поспи, вечером выйди в люди, оторвись. Только про наш проект не забывай и про дедлайн.

Было около семи вечера, когда Матвей припарковался у дома. Оранжевое небо отражалось в окнах и казалось, что здание охватил пожар. Матвей смотрел на белое облако, истекавшее меркнувшим солнечным светом, следил за каплями, которые падали на мертвую материю и зажигали в ней жизнь. «Как получается, – подумал он, – что жуткий, невероятных размеров сгусток раскаленной плазмы, бесконечный ядерный взрыв рождает в итоге такой ласковый и нежный свет? Смертельный огонь, без которого невозможна жизнь...

Он снял дом с горящими в закатном свете окнами на телефон. Ему всегда нравился огонь. Однажды он видел, как горит дом в посёлке, по соседству с домом друзей. Деревянный, обшитый сайдингом каркас пылал громко и страшно. Все бежали от ревушего и брызгавшего искрами пламени, но Матвея огонь притягивал, казалось, что если он зайдет в дом, то не сможет сгореть, а наоборот, вознесется к чему-то бесконечно прекрасному, к чему именно, он не мог объяснить, но ощущал его как блаженство.

После того пожара он долго сидел и гуглил слово «пиромания». Прочитал, что синдром до конца не изучен, но, возможно, связан с переизбытком тестостерона. Расслабился.

Солнечная рана в туче понемногу затянулась. Окна потемнели. Он поднялся в квартиру, разделся и завалился на кровать. «Вечер утра мудренее», – последнее, что пришло ему на ум перед тем, как сознание спряталось во сне.

Понемногу город погружался в тень.

Зажигались фонари на бульваре, погода радовала теплом и граждане занимали лавочки, кто с пивом, кто с коляской, а кто и просто с весенним настроением. На первом этаже старинного особняка через улицу от дома, где жил Матвей, светило сказочно-жёлтым светом небольшое кафе-кондитерская. Внутри пахло кофе, корицей и какими-то сливочно-пряничными ароматами детства. У большого, почти до земли, витринного окна за столиком сидела девушка, погруженная в чтение книги. Изредка она поднимала голову и смотрела в окно, из которого был виден припаркованный недалеко от входа «мерседес», тот самый, с которым недавно так неудачно познакомился Матвей.

Если бы она могла видеть чуть дальше, то метров за сто от этого автомобиля стоял ещё один, неприметный, черный, скрытый от фонарей высокими липами. Двое сидевших в нем мужчин пили кофе из картонных стаканчиков и по очереди вытягивали из пакета желтые, лоснящиеся от масла палочки картошки фри.

– Давай Ваня, за всё хорошее – водитель поднял свой стаканчик и чокнулся с пассажиром. Оба достали из пакета картошку и молча закусили. Пассажир вынул еще одну картофельную палочку, поднял её, зажав между большим и указательным пальцами перед собой.

– Ты, Серёжа, понимаешь хотя бы, зачем мы это говно едим?

– А чего это говно, – обиделся Серёжа. – Нормальная еда. Вкусно.

– Вкусно, но для здоровья – беда. Думаешь, это просто картошка фри и булка с котлетой? Нет! Это – главный символ порядка, который нам хитрожопые пиндосы пытались внедрить. Вроде всё красиво упаковано, пахнет так, что хочется сожрать. А сожрёшь – и обмен веществ – к черту. Будешь потом всю жизнь на лекарства работать. А лекарства эти как раз те самые пиндосы и будут тебе втридорога продавать.

– Так зачем мы это купили? Взяли бы лучше бородинского и мясную нарезку.

– Потому что врага надо не только знать, его надо чувствовать. Нутром. Работа у нас такая. Вредная. – Иван засмеялся, но внезапно замолчал и стал вглядываться в «мерседес», стоявший под ярким окном кофейни. – Смотри, уезжают. Посмотрим, куда вы, голубчики, двигаетесь.

Мотор заурчал, машина плавно оторвалась от тени деревьев и поехала по бульвару за чёрным, лоснящимся как домашний откормленный кот, престижным седаном.

Глава шестая

Матвею снова снилась церковь.

Он – внутри, но кто он? Может, он священник, а может – просто случайный человек. Как это иногда бывает в неглубоком сне, он знал, что спит и ему захотелось сделать что-то веселое. Например, дернуть ближайшего к нему старика за бороду или задрать закутанной в платок бабе юбку. Но только он сосредоточился на этой мысли, тут же стены храма стали таять и приняла знакомые очертания спальни. Он попытался уснуть, но сон убежал и вместе с ним озорное чувство вседозволенности. Матвей сел на кровати, взял с тумбочки лежавший на зарядке телефон и для бодрости начал читать новости. Должно было помочь переключиться и окончательно отвязать сознание от сна.

«В Тюменской области 38-летний мужчина изнасиловал свою племянницу, получив согласие матери девочки. Они заключили сделку, по которой женщина отдала деверю свою 7-летнюю дочь во временное пользование за 52 тысячи рублей».

– Жуть какая, – он отвернулся от экрана и увидел стоявшую на полу большую матерчатую сумку с книгами о Боге. – Куда же этот Бог смотрит? Понятно почему ему так нужен пиар. Чтобы сделать значимым и важным всё хорошее, а всё плохое – разумным планом, который безусловно контролируется компанией... пардон, то-есть, Господом. – Матвей закрыл окно новостного портала, потянулся, напряг мышцы, с удовольствием почувствовал своё здоровое, сильное и готовое к приключениям тело.

– С другой стороны, – решил он, миллионы читающих новости граждан испытывают в это время удовольствие от того, что всё это случилось не с ними. И радуются жизни. Может, в этом и есть замысел Творца? Если бы акции всех компаний бесконечно росли, игра на бирже потеряла бы смысл.

Он принял прохладный душ, надел джинсы, чёрную майку с красной надписью «Tell me if I have already had sex with you». Натянул через голову худи, подошел к зеркалу. На него смотрел уверенный в себе, ухоженный и правильно одетый мужчина. Сегодня ночью планировалась большая рейв-тусовка, и он не сомневался, что сможет если не избавиться, то хотя бы заглушить в себе эту странную, непонятно отчего свалившуюся на его голову тоску.

В красивом, сложенном из оцилиндрованного бревна, доме, с высокими, в пол, окнами, в большой комнате на первом этаже горел очаг.

Его установили посередине гостиной, стильная чёрная труба большой круглой вытяжки уходила наверх, через второй свет, прорастая сквозь крышу. Очаг был обложен камнем, нарочито грубым. Но мебель выглядела изящной, диваны, обитые пестрой цветной тканью с восточным рисунком, окружали широкий шестиугольный журнальный стол из тикового дерева, украшенный резьбой и узорами, выложенными перламутром. На одном из диванов сидели мужчина и женщина, обоим было на вид чуть за сорок, оба загорелые, в свободной домашней одежде, похожей на ту, что надевают на занятия инструкторы по йоге. Напротив в большом кресле, подобрав под себя ноги, сидела девушка лет 20, в рваных джинсах и простой белой майке с коротким рукавом. На её плече был наклеен приличных размеров пластырь, из-под которого расплзалась фиолетовая, похожая на большую кляксу, гематома.

– Он неплохой человек, – девушка поморщилась и потеряла ушибленную руку. – Но пустой. Как бочка без дна. Я не понимаю, как её наполнить. Мне кажется, уже слишком поздно...

– Ясна, – женщина смотрела на нее строго и холодно, – ты ведь понимаешь перед какой угрозой мы все стоим? И какая цена может быть уплачена, если эту бочку всё-таки удастся наполнить кому-то еще?

– Мы с таким трудом его нашли, – мужчина наклонился в сторону девушки, словно пытается преодолеть ее отстраненность. – Столько времени и ресурсов потрачено. И останавливаться сейчас, в самом начале пути...

– А если традиция безвозвратно утеряна? Если его не разбудить? Столько времени прошло. Сколько не бросай семян на камни, останутся только камни. Ничего не вырастет. – Девушка выпрямилась и посмотрела в глаза мужчине. – Он уже не Ключ. Возможно, лучший выход в этой ситуации – чтобы он умер. Возможно, есть ещё кто-то из Ключей, о ком мы не знаем...

– Может, и так. – Мужчина встал, подошел к девушке и, присев на подлокотник кресла, обнял её. – Только где он, мы не знаем и можем не узнать никогда. А пока мы ищем, этот парень проснётся с чьей-то помощью и наделает дел. Я понимаю, как тебе трудно работать на этом уровне.

– Отец, мне воздуха не хватает, в прямом смысле. Тяжело дышать. Я словно тону в темноте. – Девушка уткнулась лицом ему в плечо.

– Ясна, – женщина встала, подошла к креслу и села на подлокотник с другой стороны. – мы знаем, как тебе тяжело. И сделаем всё, чтобы поддержать тебя. Но ты не должна сдаваться. Не имеешь права. Этот мир еще не заслужил Возвращения. Хотя, конечно, решать не нам...

Ясна глубоко вздохнула: «Хорошо, мама. Я постараюсь».

Матвей с трудом пробивался через плотную, вибрирующую под техно, толпу танцующих к стойке бара.

К стимуляторам настроения он всегда относился критически и считал, что на тусовке нет ничего здоровее нескольких шотов текилы. Когда он, наконец, приблизился к цели и оставалось преодолеть последнюю преграду плотностью в пару человеческих тел, сзади на него навалился кто-то объёмный, пахнувший табаком и потом.

– Что, плейбой? Приехал телочек снимать?

Матвей снял с плеч обхватившие его волосатые руки и обернулся. В джинсах и рубашке, выпущенной наружу и расстегнутой на выдающемся вперед животе до пупа, перед ним стоял Слава Зайцев, эксперт в области выпивки и порноиндустрии, неплохой когда-то журналист, потерявший несколько лет назад свою творческую нишу. Несмотря на это он еще оставался довольно популярным, многие знали его по старым временам. Несколько раз агентство подкидывало ему работу, особенно когда нужно было написать какую-нибудь гадость в блоге или соцсети. По части накидывания говна на вентилятор Слава был уникален.

– Слава, привет! Смотрю, ты гуляешь!

– Не то слово! – Слава обернулся и словно фокусник вытащил из-за спины двух девушек, похожих друг на друга как близнецы. – Вот, познакомься, это – Галя, а это – ммм Надя. Или наоборот. – Он наморщил лоб. – Да хрен с ними, с этими именами. Они на любое отзываются. Правда, девочки?

Девочки были уже сильно навеселе, судя по глазам, они не очень фиксировались на реальности, а просто плыли над полом, слегка покачиваясь в ритме музыки. Слава снова ухватил Матвея за плечо: «Пьёшь? Давай-ка отметим!»

– А что отмечаем? – Матвей, усилив вес своего тела Славой, наконец продавил себя к бару. – Четыре текилы. Нет, давайте сразу восемь.

Пока бармен разливал, Слава, брызгая слюной в ухо Матвея, рассказал, что получил супервыгодный заказ:

– И это не разовая история! Каждый месяц пять-шесть постов, а за каждый знаешь сколько платят? Пять-десять! – для пущей наглядности он растопырил пятерню. – Буду его пи@dить, мало не покажется!».

– А кого пиздить-то? – из вежливости поинтересовался Матвей.

– Да кого-кого. Его. Нашего главного, суку, борца с режимом.

– Так он, вроде, нормальный чел. За народ. – Матвей пожал плечами. – С тобой же приличные люди перестанут здороваться.

– Приличные люди перестали со мной здороваться, когда я без бабла сидел и вынужден был вместо островного виски дешевую водку пить. Так что хер я клал на приличных людей. А потом я что, не народ? И ребята, которые мне башляют, – тоже народ. Ты даже не представляешь, сколько народа кормится от этого пиздежа борцов с режимом. Целые, блять, издательские дома! Медиа корпорации! Если бы режиму не с кем было бороться, все мы на стройку пошли бы работать или дворы убирать вместо гастарбайтеров. Начиная с главного по внутренней политике и заканчивая мелким репортером какой-нибудь Блятьнюз. Вот если бы борцов начали отстреливать, – это да, это было бы серьёзно. А так всё это просто взаимовыгодный бизнес. Все живы, здоровы и довольны. Так что давай бухнём, если не брезгуешь.

– Слушай, Слава – Матвей вдруг вспомнил о наболевшем. – А ты в Бога веришь?

– Конечно, верю. – Слава опрокинул в себя четвёртый шот. – Бог, как известно, создал женщину. А если бы не с кем было трахаться, жизнь потеряла бы всякий смысл.

– Ну а если серьезно? Почему ты думаешь, что Он существует? И если ты в Него веришь, то не боишься наказания? За блядство, пьянство и прочие свои факаны?

Слава повернулся к Матвею лицом, опёрся локтями о стойку. Было видно, что слагать слова в предложения ему уже некомфортно.

– Понимаешь, бро, если бы существовала одна природа, ну там горы, реки, рыба, птицы, звери – то это все как драть.

– В смысле? – Матвей выпил еще одну текилу и уставился на Славу. – Причем тут драть?

– При том, что когда ты драчишь, всё, что ты представляешь, – это понарошку. Никаких последствий. Ни детей, ни болезней, ни страстей, ни драм там всяких. Вот так и природа. Она никуда не страдает. Не думает о жизни или смерти, или там о завтрашнем дне. Поэтому Бог создал человека. Чтобы он, сука, загрузился по полной. Чтобы Бог через него жил в своем творении по полной. Умирал, любил, страдал, болел, пил, трахался... Иначе никакого смысла в том, что мы все это чувствуем, нет. Если бы нам нужно было просто выжить, то оставались бы ещё миллионы лет тараканами, пока грёбаное солнце не погаснет. Понимаешь, о чем я?

– Логично. – Матвей задумался. – только не понятно, как это к нашей концепции пришить.

– Ты о чем это? – с подозрением спросил Зайцев. – Что за концепция?

– Да это я так, сам с собой. Берём еще? – Матвей посмотрел на восемь пустых стаканов.

– Нет, – Слава выглядел уставшим. – Я сейчас возьму девчонок и домой. А хочешь – давай с нами. Сделаем амор де труа или даже де катр...

– Нет, спасибо, у меня ещё планы тут повеселиться.

– Ну смотри, бро. – Слава прижал руку к груди и вскинул её в древнеримском приветствии. – Желаю найти мощное на жопу приключение!

Зайцев ушёл, и пустующее место немедленно заняли новые люди. Матвей старался удержаться у стойки и одновременно через головы разглядывал зал, пытаясь найти в толпе танцующих перспективный вариант для знакомства. Обычно в такой момент он чувствовал вдохновение, в нем загорался азарт игрока. Но сейчас вдохновения не было. Желание шло от головы, потому, что надо, он словно выгонял себя рано утром в мерзкий зимний день на работу. Он стоял и злился на себя, что поехал в клуб вместо того, чтобы просто нормально выспаться. Вдруг кто-то довольно сильно задел его плечом, так, что он расплескал текилу.

– Смотри куда лезешь, баран! – Матвей отряхнул мокрую руку и посмотрел на человека, который его так грубо толкнул. Это был невысокого роста парень с короткой черной бородой и маленькими яростными глазами. Он был настроен явно агрессивно, и Матвей с ужасом увидел,

что на его бритой голове надета кепка от Гуччи. «Наверное, совпадение, не может быть, чтобы это был тот же человек, что угнал Леркин джип. Его же менты повязали» – успел подумать он и почувствовал, как злобный коротышка сильно дернул его за рукав худи.

– Эй, ты кого бараном назвал? Это я – баран, да?» – парень ещё раз дернул его с такой силой, что Матвей свалился на пол.

Тот попытался ударить его ногой, но какой-то рослый мужик в пиджаке схватил парня в кепке сзади за плечи и оттащил в сторону: «Так, господа, все разборки за пределами клуба. Хотите бить друг друга – дверь вон там» – он показал рукой в сторону выхода. Бородатый наклонился к Матвею и сказал: «Я тебя дождусь».

Матвей поднялся и посмотрел по сторонам. Никого из знакомых, с кем можно было бы уйти вместе, не было. И он точно не хотел никого бить. Идея быть побитым тоже ему не нравилась. Матвей был уверен, что парень в кепке не один, такие всегда ходят стаями. Не сказать, что он трусил, но и не хотел ввязываться в заведомо проигрышную драку. К тому же Матвей помнил совет приятеля, профессионального боксёра, который говорил, что лучший способ победить в драке – её не начинать. «Подождем, – подумал он, – ночь длинная. Как-нибудь рассосется».

Почему-то сразу стало скучно. Он смотрел на толпу, на дёргающихся в танце городских хипстеров и раздражённо думал, что если его начнут бить или даже убивать перед клубом, эти ребята с мужественными бородатыми лицами, жёсткими тату и накачанными в фитнесе бицепсами, просто пройдут мимо. Потому что не для того они вливали бабло в свою мускулиность, чтобы совершать бескорыстные подвиги по защите потенциального конкурента во время секс-охоты.

Он еще раз оглядел зал. Кепка исчезла. Матвей решил, что самое время незаметно уйти и стал пробираться к выходу. Вдруг вспышка света выгнала неподалёку от него из темноты фигуру девушки, показавшейся знакомой. Девушка танцевала одна, без компании. И она танцевала так... Он видел хороших танцоров. Тех, кто профессионально выступал на сцене. Но тут было нечто другое. В ее движениях не было точности и той механической чистоты, что приходит с годами обучения. Но это был тот случай, когда тело танцора настолько соединилось с музыкой, что казалось, она звучит здесь только для одного человека. Те, кто танцевал рядом, едва переминались с ноги на ногу и наблюдали за этим танцем.

Матвей узнал её.

Это была Наргиза, та странная восточная красавица, с которой он познакомился у дома Валерии. Он вспомнил о Ясне, и снова появилось неприятное чувство пустоты. «Может, это судьба?» – он аккуратно, чтобы не нарваться на новые неприятности, стал протискиваться к девушке. Когда, наконец, ему это удалось, Матвей хотел поздороваться, но не знал, как обратиться на себя внимание: гремела музыка, Наргиза, танцевала с прикрытыми глазами, не обращая внимания на людей вокруг.

Он остался рядом и начал танцевать, рассчитывая, что рано или поздно она повернётся в его сторону.

Прошло около получаса. Наргиза продолжала разговор своего тела с музыкой, словно танцевала одна в пустом зале. Матвей почувствовал себя глупо и уже сделал шаг назад, в толпу, как девушка прервала танец и почти остановилась, словно постепенно гасила инерцию. Из маленькой сумочки, висевшей на длинной желтой цепочке на плече, она достала телефон, на экране светился входящий вызов. Видно было, что она пытается ответить, закрыв ладошкой микрофон, но разговаривать в таком грохоте было трудно. Она повернулась в сторону выхода, сделала шаг и в этот момент увидела Матвея.

Наверное, у него было довольно растерянное выражение лица, потому что Наргиза улыбнулась. Помахала ему рукой. Матвей помахал в ответ и подошел.

– Привет! Чувствую, между нами какая-то незримая связь, – пошутил он.

– Думаешь? – в вопросе Наргизы была очевидная ирония. – И что же меня может связывать с таким... – она сделала выразительную паузу, – крутым мачо? Пришёл привораживать бедных студентов?

– Почему обязательно привораживать? – запротестовал Матвей. – Я лишь выставляю свое тело на рынок сексуально-брачных отношений. Когда колбаса лежит на прилавке, никто не скажет, что она кого-то привораживает.

– Ты самокритичен, – язвительно заметила Наргиза. – Не всякий мачо честно сравнит себя с колбасой. Во всяком случае, искренне. Счастливой охоты, колбаска! – она повернулась и пошла в сторону выхода.

– Слушай, я тоже собирался проветриться, – Матвей решил воспользоваться удобным поводом сбежать из клуба. – Подожди! – и он стал пробираться вслед за девушкой.

Грохот музыки на улице сменила внезапная тишина. Клуб извлекал из себя глухие шепчущие звуки, после вспышек стробоскопа казалось, что город замер под ровным светом желтых фонарей. Еле слышно охрана переговаривалась со стоящими в очереди на вход людьми. Вереница такси ждала пьяных, весёлых и щедрых пассажиров. Матвей вдохнул пахнущий липами воздух и подумал про себя: «Какое это счастье – жить».

– Чё, брат, пойдём поговорим? – прямо перед ним стоял парень в кепке, чуть было не устроивший драку в клубе. Рядом стояли еще двое. Матвей заметил их накачанные шеи и сплюснутые набитые костяшки пальцев. – Ну что ты, мужик или баба? – парень взял его за локоть и потянул за собой. – Баба, да?

– О чем мне с вами разговаривать? – Матвей попытался скинуть его руку, – вы же не знаете, кто я, зачем вам геморрой? – в этот момент он напряжённо думал, кто сможет за него заступиться, если эти неприятные люди начнут его бить. У него было много знакомых, полицейских, адвокатов, журналистов, но в середине ночи все эти люди тихо спали в своих или чужих кроватях и не думали о том, как помочь Матвею.

– Что случилось, мачо? – Наргиза, стоявшая неподалёку от входа в клуб, закончила говорить по телефону и подошла к нему. – Пристают? – она кивнула на парней.

Матвей покраснел: «Поспорили немного. О смысле жизни».

Девушка посмотрела на него, потом на оппонентов.

– Не думаю, что спор идёт в равных весовых категориях. По-моему, разумнее отложить дискуссию.

– Слушай, ты кто вообще такая? – один из парней встал между Наргизой и Матвеем. – Не лезь, когда мужчины говорят!

Внезапно насмешливая интонация исчезла из голоса девушки. Она сказала что-то на языке, который Матвей не понимал, голос ее звучал властно и жёстко. Кепка ответил ей на том же языке, но уже без напора. За спиной девушки выросла фигура её мрачного водителя. Агрессивная тройка сникла и рассосалась. Водитель что-то сказал Наргизе, Матвей разобрал только слово ц'ен нана. Казалось, они о чем-то спорили, но в итоге Наргиза повернулась к нему и сказала: «Пошли, плейбой. Подвезем тебя до дома, чтобы не попал снова в неприятности».

– Спасибо, я могу и на такси.

Матвей попытался быть вежливым, но на самом деле он не был уверен, что после того, как Наргиза с грозной охраной уедет, мутные люди не вернуться, чтобы продолжить диалог. Поэтому не стал настаивать и сел в машину.

– Похоже, мы нашли исполнителя. Вот только бы выяснить, что именно он планирует исполнять? – начавший было дремать водитель неприметного «форда» достал с заднего сиденья камеру с длинным объективом и, направив его в сторону машины, в которую садился Матвей, сделал несколько снимков. – Поехали за ними. – «Форд» обогнул ряд жёлтых такси и покатился за «мерседесом».

– Не стоило мне вмешиваться! – Наргиза выглядела недовольной. – Во-первых, я хотела еще танцевать. Во-вторых, по-хорошему, тебе не мешает нормальная трёпка.

– Почему это? – Матвей расслабился, и он уже заигрывал с девушкой. Чем же я заслужил?

Наргиза даже не повернулась в его сторону и серьезно сказала: «Лицо у тебя очень самодовольное. Таких учить надо. С девушками они короли, а когда надо за себя постоять, сразу за чью-то спину прячутся».

Матвей почувствовал, что краснеет. Это была правда и при этом очень неприятная.

– Драка была бы нечестной! – промямлил он.

– А какая драка честная? По нашей вере, если в драке кого-то убивают, в ад попадают все, не важно, кто прав, а кто виноват. Так что вряд ли тебя стали бы убивать.

– Это успокаивает. – Матвей пожал плечами. – В следующий раз учту, если что.

– Куда едем? – подал голос водитель.

Матвей назвал адрес и добавил: «Если вам по дороге, конечно. Или высадите меня в любом удобном месте, я такси возьму».

– Обойдёмся без такси. Поехали. – Наргиза вставила наушники, откинулась на сиденье и закрыла глаза.

«Интересно, что она слушает, – подумал Матвей. – Какие-нибудь песни гор». Ему стало обидно, что его вот так запросто игнорируют.

Через несколько минут машина подкатила к его дому.

– Приехали, – сообщил водитель. Наргиза открыла глаза и протянула Матвею руку.

– Ты мне должен, – сказала она.

– Что именно? – он искренне не понимал, что он может дать этой гордой и независимой девушке.

– Ну, можем пообедать как-нибудь, для начала. А там посмотрим, – Наргиза посмотрела ему в глаза. – Может для чего и пригодиться. Оставь телефон, я позвоню, когда будет время.

– Ок. – Матвей, совершенно ошарашенный от такого обращения, пробормотал свой номер.

– Спокойной ночи! – он вышел из машины и захлопнул дверцу. Мерседес повернул за угол дома и исчез из вида.

Наргиза достала телефон, набрала номер. «Всё, закончила. Прошло точно по плану. Я в контакте, работаем. Другая девушка? Нет, я не думаю, что случайная. Сомневаюсь, что рядом с ним сейчас будут появляться случайные люди. Да, мы её серьезно напугали, похоже, залегла на дно. В любом случае, у нас теперь есть фора по времени».

Вскоре от дома отъехал еще один автомобиль. Если бы Матвей мог услышать разговор в первой машине, то он, скорее всего, остался бы в большом недоумении. Но разговор во второй его бы крайне встревожил. Потому что говорили о нем. И его будущее в этом разговоре было совершенно не радужным.

Глава седьмая

Утро понедельника оказалось таким же нежным и солнечным, как накануне.

Пахло близким летом. Под солнцем ярко светились золотые купола храма, окружённого целым комплексом хозяйственных построек, отреставрированных в модном стиле «лофт». По комнате на втором этаже двухэтажного здания, сложенного из тёмно-красного старинного «монастырского» кирпича, ходил, заложив руки за спину, мужчина среднего роста, в очках, с усами и небольшой аккуратной бородкой. Он был одет в чёрную рясу с подшитым, как у солдатской гимнастерки, снежно-белым воротничком. Его собеседник, в дорогом костюме, белой рубашке и тёмно-сером галстуке в полоску, сидел на небольшом кремовом, в красную полоску диване в стиле «ампир». Слева от дивана в углу на столике стояла большая икона с крылатым ангелом в дорогом позолоченном окладе. Справа на белой стене висела написанная маслом картина. На ней был изображён лысеющий мужчина средних лет, с голым мускулистым торсом, верхом на лошади. Левой рукой он держал поводья, правой – поражал копьём змея. Змей был омерзительный и напоминал огромную шуку, которой дорисовали чешуйчатый змеиный хвост.

Человек в рясе говорил быстро и нервно.

– Отец Гурий, вы же знаете, что эта тема под особым контролем. А движения пока никакого нет. Время идёт, с момента, когда мы обнаружили свиток, прошло уже полгода. Хорошо, несколько лет мы искали человека. Но теперь-то, теперь всё должно совершаться очень быстро! Возможно, на ближайшую, да и отдаленную перспективу это наш единственный шанс. Доказать, так сказать, Его присутствие. Развернуть людей к вере. Вознести авторитет нашей церкви до небес, – он посмотрел на сводчатый, перекрытый стальными таврами, потолок.

– Знаю, знаю, все это понятно, – отец Гурий поморщился. – Но мы не можем это ускорить по собственной воле. Человек наш – неверующий, нужна какая-то зацепка. В тексте ясно сказано: «Может открыть только по своей доброй воле, искренней вере и страстному желанию». Ну «добрую волю» можно купить. А вот искренняя вера и страстное желание, увы, не измеряются деньгами. И вообще, есть ли у нас доказательства, что этот свиток не подделка, чтобы подставить Церковь?

– Свиток был найден в архивах ФСБ, когда наша служба изучала дела репрессированных священников для принятия решения о причислении к лику новомучеников. Это имущество хранилось как приобщенное к делу отца Павла, деревенского священника с Южного Урала. Сохранился и его дневник, с помощью которого нам удалось кое-что расшифровать. Еще должна была быть некая «карта», но она, похоже, утеряна...

– Отец Пётр, остановитесь. В общих чертах эту историю я знаю, – превал взволнованную речь собеседника отец Гурий. – Но не очень верю во всю эту мистику. Возможно, речь идет о каком-то древнем культовом месте, которое давно уже погребено под тоннами культурного слоя поздних цивилизаций. А ваш свиток утверждает, что там все еще горит что-то вроде вечного огня.

– Да, именно! – отец Пётр востроженно сложил руки в молитвенном жесте. – Божественного огня! Первоисточника, так сказать! Того самого, с которого началось творение! И который привел древних к вере в Бога единого! Этому огню поклонялись первые зороастрийцы, от них и пошел культ «вечного огня»! Только наш «вечный» огонь питается газом, а этот имеет непосредственно божественную природу! Вот оно, настоящее, неоспоримое чудо!

– Чудо это или не чудо, мы проверим, когда найдём этот ваш огонь. Со своей стороны, могу заверить, что сделаем всё возможное.

– Но как вы планируете привести этого человека к вере?

– Мы – никак. Он сам должен найти решение и придти. Объекту уже задали задачку. Пусть бьется. Я держу процесс на контроле, сегодня вызову на встречу, посмотрю, как дело движется.

– Благослови вас Бог, отец Гурий! Благослови за труды ваши! – казалось, на блестящие за стеклами очков глаза отца Павла сейчас навернется слеза. – Ждём тогда сегодня от вас хороших вестей, – отец Петр перекрестился на икону, посмотрел на картину, мгновение подумал, перекрестился и на неё и вышел из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.